

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОФ. Э. Э. МАРТИНСОН

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
ТАРТУСКОГО (Б. ЮРЬЕВСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА С РУССКОЙ
НАУКОЙ

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОФ. Э. Э. МАРТИНСОН

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
ТАРТУСКОГО (Б. ЮРЬЕВСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА С РУССКОЙ
НАУКОЙ

ЭСТОНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН, 1951

«Я все более убеждаюсь в том, что только в дружбе с русскими мы можем достигнуть тех целей, которых добиваются лучшие люди народа.»

К. Р. Якобсон (1841—1882).

«Вчера по телеграфу получил известие о том, что знаменитый русский писатель Тургенев умер. . . Русская слава — это и эстонская слава, русская радость и русская боль — это также эстонская радость и эстонская боль.»

Михкель Веске (1843—1890).

Тартуский, бывший Юрьевский, университет — один из старейших университетов Советского Союза. Уже в начале прошлого столетия он приобрел заслуженную славу среди других высших учебных заведений и научных центров России*).

С первых лет существования университета установились его прочные связи с другими русскими университетами и научными учреждениями, в том числе и с Петербургской Академией наук. Это в значительной степени содействовало расширению круга научной деятельности ученых Тартуского университета, широкому участию их в изучении природных богатств Российского государства в многочисленных экспедициях. Это оплодотворяло научную работу в стенах самого университета.

Надо решительно отвергнуть реакционную концепцию, созданную остзейским дворянством о Тартуском (Дерптском) университете, как о немецком**), и о роли остзейских баронов, как

*) В сокращенной форме доложено на научной сессии, посвященной 10-летию Советской Эстонии — 1 VII 1950 г.

**) Эта концепция не критически была перенесена в русскую дореволюционную, а затем и в советскую историческую литературу. Так, например, в учебнике для вузов «История СССР» наряду с правильным указанием, что: «Средоточием общественно-научного и литературного движения в Прибалтике был Тарту (Дерпт) с его университетом», не критически утверждается: «... в первой половине XIX в. университет сохранил свой чисто немецкий характер ...» (том II, стр. 73, 1949 г.). Неудивительно, что это неправильное представление о Тартуском университете, как якобы немецком, проникло и в специальные работы о Тартуском университете и его выдающихся научных деятелях: «Дерптский университет в то время даже по устройству был немецким», и далее: «... Пирогов был избран на кафедру хирургии немецкими профессорами в немецком университете» — пишет проф. А. А. Красновский в своей книге «Педагогические идеи Н. И. Пирогова». Москва, 1949 г.

якобы «передовых» борцов за европейскую культуру. Это противоречит самой социальной сущности остзейского дворянства. История возникновения и различные этапы существования Тартуского университета тесно связаны с историей Прибалтики и, в первую очередь, с классовой борьбой эстонского и латышского народов против господствовавшего меньшинства немецких помещиков-крепостников, не прекращавшейся в течение ряда столетий.

Как на этом раннем этапе борьбы, так и в период национального оформления в XIX веке народы Прибалтики опирались на русский народ и на русскую общественность. Связь с русской научно-общественной мыслью явилась важнейшим фактором развития университета в XIX веке. В течение почти четырех веков господства ордена меченосцев в Прибалтике не было сделано даже попытки к организации высшего учебного заведения в стране.

В то время, как на восточной границе уже сформировалось мощное русское национальное государство, Ливонское орденовое государство оставалось средневеково-феодальной организацией, где все усилия господствующего класса были направлены на эксплуатацию поработанного населения. Особой алчностью и враждебностью к эстонским и латышским крестьянам отличалась низшая иерархическая прослойка этих колониальных хищников — вассалы ордена и епископов. Лишенные чувства какого-либо патриотизма и даже национальности, они сами в борьбе со своими господами епископами и феодальной аристократией за свои права на захват земель и способствовали гибели ордена.

На обломках средневековой германской колонии, таким образом, из бывших вассалов ее правителей и возникла в XVI веке наиболее хищная разновидность крепостников — остзейское дворянство или «рыцарство». В этот период единственная попытка взять под защиту эстонских и латышских крестьян была сделана со стороны русского царя Ивана IV, но она была парализована признанием польским и шведским правительствами классовых домогательств рыцарства, вся дальнейшая борьба которого за так называемые остзейские привилегии и автономию имела под собой именно классовую, а не национальную основу.

Эти «рыцари» продавали свою национальность последователь-

но польскому, шведскому и царскому правительствам за неограниченное право эксплуатации эстонских и латышских крестьян. Но угнетение крестьянства было, разумеется, не только социальным, но и национальным. И так же, как меченосцы, эти, по выражению К. Маркса, «псы-рыцари», ничего не сделали для просвещения края, так и потомство их вассалов, немецкое остзейское дворянство, ничем не проявило своей якобы культуртрегерской роли. В ходе развернувшейся в дальнейшем борьбы между ним и шведскими колониальными захватчиками за эксплуатацию народов Прибалтики, шведским королем Густавом II Адольфом была открыта в Тарту королевская гимназия (1630), вскоре получившая устав университета (1632), имевшего узко-политические цели подготовки светских и духовных должностных лиц шведской правительственной ориентации, чем и определялся в значительной степени шведский национальный состав студентов. Густав Адольф, идеализированный протестантско-дворянской и буржуазно-националистической историографией как гуманист-просветитель, в действительности проводил политику колониальной агрессии и интервенции, направленную к полному оттеснению русского государства от Балтики и превращению ее во внутреннее шведское море и тем самым к подавлению самостоятельности эстонского народа.

Латино-шведский университет не был использован шведами как идеологическое оружие против немецких крепостников и помещиков, которые, несмотря на известные аграрные реформы шведского правительства, сохранили фактически свое экономическое господство над крестьянами.

В основе этих ограничительных реформ лежали не классово-антагонистические противоречия, а борьба шведских королей за абсолютную монархию.

Право поступления крестьян в университет было чисто формальным и не могло быть, разумеется, ими фактически использовано. Латино-шведский университет, не будучи органически связан с населением края, при враждебном к нему отношении со стороны остзейского дворянства, плохо обеспеченный материально, просуществовал в общей сложности 44 года с более чем тридцатилетним перерывом (1656—1690 гг.). Будучи переведен в 1699 году из Тарту в Пярну, он закончил в 1710 году свое, ставшее к тому времени достаточно эфемерным, существование, не оставив после себя никакой памяти в науке и никаких

материальных следов, не оказав также влияния на положение эстонского и латышского народов. Противоположное утверждение о том, что открытие университета Густавом Адольфом явилось будто бы важным событием в истории развития культуры эстонского и латышского народов (З у т и с), абсолютно неверно и находится в историческом противоречии с тем состоянием социально-экономического порабощения, в котором они фактически остались*). Больше того, — перед самым окончанием Северной войны шведская королева Ульрика Элеонора в 1719 году подписала жалованную грамоту остзейскому дворянству, по которой не только возвращались все отнятые ранее у него привилегии, но и значительно расширились по сравнению с тем, что было гарантировано дворянству Петром I (З у т и с).

Эта жалованная грамота явилась результатом ослабления королевской власти в Швеции и политического усиления дворянства и была бы поэтому несомненно проведена в жизнь, и эстонское и латышское крестьянство, вопреки утверждению буржуазно-националистических историков, ничего не выиграло бы в случае сохранения шведского господства. Вместе с тем исчезли бы и те политические мотивы, которые побудили Густава Адольфа открыть в Прибалтике университет, и при неприязненном отношении к последнему немецких крепостников он, несомненно, прекратил бы свое существование.

Справедливость этого предположения подтверждается тем, что остзейское дворянство ничего не сделало для сохранения этого университета при капитуляции Пярну, хотя Петр I, принимавший ряд мероприятий к созданию русских национальных кадров образованных людей, был заинтересован в сохранении университета и гарантировал своей подписью его материальное благосостояние: «Понеже его Царское Величество из своих

*) Я. З у т и с пишет: «Остзейский вопрос XVIII в.»:

«В истории культуры латышского и эстонского народов важными датами являются основание в Дерпте школы *trivium*, доступной также для крестьянских детей. Находясь в военном лагере под Нюрнбергом, 30 июня 1632 г., Густав II Адольф подписал акт об учреждении Дерптского, ныне Тартуского университета, в который также принимались сыновья крестьян.»

В действительности же, эстонские буржуазные националисты по случаю отмечаемого ими в 1932 году якобы 300-летия Тартуского университета при всем своем старании не могли установить ни одного случая окончания латиношведского университета эстонцем.

собственных государств и земель молодых людей для обучения посылать будет для лучшей славы одного университета»... «позволяет его Царское Величество своему верному рыцарству, что они с верховным консисторием своим своих искусных профессоров назначать и предлагать могут и тогда его Величество о их призвании такое попечение прилагать изволит, чтобы высокая школа благоснабдена была, якоже об оной совершенном и довольном учреждении и содержании его Царское Величество все чинить будет».

Но «рыцарству» было не до университета. Оно было озабочено дальнейшим закрепощением и эксплуатацией эстонского и латышского народов. К тому же остзейские дворяне боялись сохранить университет, опасаясь в нем учреждения, которое связывало бы край с другими частями России и угрожало бы его обособленности, а вместе с этим их классовым привилегиям.

Только в конце XVIII столетия остзейское дворянство, обеспокоенное антикрепостнической борьбой эстонских и латышских крестьян, особенно усилившейся в конце XVIII века, решило взять в свои руки идеологическое руководство в крае. Перед Павлом I в связи с этим был поставлен вопрос об открытии университета, который должен был стать идеологическим оплотом обособленности края от России, оплотом борьбы против внутренних антикрепостнических тенденций среди собственной буржуазии.

Мы считаем, что общепринятое до сих пор объяснение открытия университета в Прибалтике запрещением Павлом I русским подданным учиться за-границей является несостоятельным. Указ Павла I об этом был не причиной, а только непосредственным поводом к постановке вопроса об учреждении «своего» дворянского университета. Истинной же причиной была боязнь дворянства и самого Павла перед революционным, антифеодальным движением, назревавшим как в России вообще, так и в Прибалтике, в частности. Этой боязнью и был вызван указ Павла I от 9-го апреля 1798 г., запрещающий учиться в заграничных университетах, как не обеспечивавших воспитания политически благонадежных подданных или, как в нем говорилось, «по причине возникших ныне в иностранных училищах зловредных правил...»

Поэтому Павел I и вверял остзейскому дворянству организацию университета и руководство им: «Всемиловитейший Государь Император соизволил оказать высокомонаршую волю,

чтобы рыцарство Курляндское, Лифляндское и Эстляндское по собственному их согласию избрали приличнейшее для учреждения университета место и на основании, желаемой пользе соответственном, устроили оный».

Таким образом, университет должен был стать идеологическим оружием в руках немецко-прибалтийского дворянства, направленным к подавлению буржуазно-революционных антифеодалных настроений.

Вполне естественно предположить и вероятно, что это прибалтийское просветительское движение XVIII века (Г. Меркель*), Эйзен) идейно было связано с влиянием русской антикрепостнической революционной идеологии, выразителем которой в это время был А. Н. Радищев. Однако, открытие университета состоялось только в 1802**) году и находилось в связи с общими мероприятиями русского правительства в области просвещения при Александре I, обусловленными разложением крепостнического строя и развитием в России новых буржуазно-капиталистических социально-экономических отношений.

Немецкое дворянство сделало попытку подчинить университет своему идеологическому влиянию, в частности, поставить в зависимость от себя выборы профессоров учреждением коллегии кураторов из представителей дворянства Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Однако, первый же состав профессоров университета стал в решительную оппозицию к дворянскому кураториуму. Профессора не желали зависимости от местного дворянства и иной высшей власти, кроме центральной государственной. В том же году, в связи с намеченным открытием других русских университетов (в Петербурге, Казани, Харькове, Вильно) и учреждением соответствующих учебных округов, Тартуский (Дерптский) университет правительственным актом от 12 декабря***) 1802 года был изъят из-под узкого сословного контроля остзейского дворянства и подчинен через попечителя округа только Министерству просвещения, как и другие русские университеты.

*) «Я хотел бы, если позволят мои способности, показать дворянству и духовенству в Лифляндии зеркало, чтобы увидев собственное лицо, они бы ужаснулись.»
Г. Меркель (1769—1850).

**) 21-го апреля 1802 г. на основании правительственного указа от 12 апреля 1801 года. Лекции начались 1 мая 1802 года. Все даты даны по старому стилю.

***) По старому стилю.

Таким образом, с самого начала своего существования Тартуский университет был русским государственным университетом.

Внешнее отличие его в форме преподавания на немецком языке нужно рассматривать не как выражение германизации университета, а как результат предшествующей истории народов Прибалтики. Это объективно выражало определенную стадию исторического развития. Этим внешним отличием было обусловлено также широкое привлечение в университет профессоров из Германии. В это время, следуя патриотическому зову великого Ломоносова, русские передовые ученые продолжали борьбу за создание русской науки и воспитание кадров русских национальных ученых. Они устанавливали с этой целью тесные связи также с лучшими представителями мировой науки. В этом смысле большую положительную роль сыграл и Тартуский университет в лице своих лучших прогрессивных представителей.

Таким образом, основание Тартуского университета вместе с другими русскими университетами явилось следствием новой расстановки классовых сил не только в Прибалтике, но и в общероссийском масштабе на рубеже XVIII и XIX вв. в связи с рождением новых капиталистических отношений.

Из всего изложенного является совершенно очевидным, что беспрерывно с тех пор почти полтора столетия существующий Тартуский государственный университет не стоит ни в какой исторической связи с когда-то бывшим латино-шведским университетом.

Сперва немецко-дворянская историография, а затем, подражая ей, эстонские буржуазные националисты фальсифицировали как историю Эстонии и Прибалтики в целом, так и Тартуского университета, в частности, в обоих случаях скрывая факты связи с русским народом и его культурой, и утверждали, наоборот, идейную и будто бы традиционную связь с Германией.

Тартускому университету приписывалась роль своеобразного передаточного этапа по распространению германской культуры в России и насаждению в ней науки и просвещения.

Однако факты опровергают это.

Подлинный характер университета определялся не внешними признаками, как например, исторически обусловленным на первом этапе его существования преподаванием на немецком языке, и не внешней мишурой средневековых пережитков в поведении студенчества в форме корпораций, а его идейно-научной направ-

ленностью, идеологической борьбой в области его научной и общественно-политической жизни.

Несмотря на стремление российского самодержавия направить развитие науки в России в сторону утверждения дворянско-буржуазной национальной культуры, первые же русские университеты стали центрами развития подлинной русской демократической национальной культуры, и реакционное правительство вскоре увидело в них опасные очаги революционно-демократических настроений.

Уже во вторую половину царствования Александра I, в период наступившей после 1812 года общеевропейской реакции, возглавленной Священным союзом, были приняты правительственной реакцией меры к подавлению свободомыслия, «вольномудства» в русских университетах, отданных с этой целью в ведение министерства духовных дел, объединенного с министерством просвещения во главе с князем Голицыным, обер-прокурором святейшего синода. К этому времени относится мрачная деятельность в области русского высшего образования М. Л. Магницкого, — попечителя Казанского учебного округа, направленная против новых философских направлений, которыми были проникнуты русские университеты, и к утверждению «превосходства» над ними священного писания, на основе которого профессора должны были преподавать свои науки, включая и такие, как математика.

Недоверие к русским университетам, являвшимся очагами революционной мысли, достигло особой остроты при Николае I после восстания декабристов, среди которых были воспитанники старейшего Московского университета. С самого начала развитие научно-философской мысли в русских университетах было направлено против самодержавия и крепостничества, что определяло ее прогрессивный, революционный характер. Поэтому, всякое яркое проявление русской научной мысли вызывало к себе со стороны антинародного царского правительства подозрение и страх. Это и создавало почву для опорочивания русской науки и культуры в целом, для искажения приоритета русских ученых, для отрицания наличия собственных национальных истоков русской науки и культуры. Для подавления прогрессивного, революционного развития русской науки всякое проявление ее в форме выдающихся открытий русских, отечественных ученых игнорировалось, замалчивалось и впоследствии, при повторении

этих открытий иностранцами, приоритет приписывался им. Предпочиталось ввозить науку из-за границы. Этим внушалось русскому обществу пренебрежение к отечественной науке, неверие в творческие возможности русских людей. С этого времени и берет начало раболепное преклонение перед иностранной, западной наукой и культурой, сохраняющееся в сознании, правда, только отдельных лиц, и до сих пор.

Особым доверием со стороны царского правительства, как безусловно преданные трону, пользовались остзейские дворяне. Общность крепостнических целей, страх перед революцией и народной мезтью сближали их с русским самодержавием.

На почве этой общности классовых и политических интересов и обосновывало прибалтийское дворянство свои надежды и вновь, и вновь возобновляемые попытки по возможности полного обособления Тартуского университета от других высших учебных заведений и научных центров России, вопреки естественно развивавшимся историческим тенденциям к сближению народов Прибалтики со всеми частями России как в экономическом, так и в культурном отношении.

Об эту политическую основу лояльности и преданности остзейцев трону разбивались уже ранние попытки введения, например, преподавания в учебных заведениях Прибалтики, в том числе и в университете, на русском языке, или даже только улучшения его преподавания. При этом сейчас же выдвигалась уже созданная к тому времени официальная реакционная концепция о немецкой науке, о Тартуском университете, как единственном рассаднике образования в России, и об опасности уничтожения его с введением русского языка.

Так, например, когда министр просвещения Уваров, исходя, разумеется, из чисто политических соображений в отношении окраинных частей империи, составил проект мероприятий, имевших своей конечной целью замену немецкого языка в университете русским, то Георг Паррот, в прошлом первый ректор университета, сыгравший большую положительную роль в период его организации, находясь в это время уже в Петербурге в качестве академика, обратился в 1839 г. к Николаю I с письмом, в котором, говоря о распространении образования в России, утверждал следующее: «Главные носители этого были балтийские провинции и иностранцы; из русских было лишь очень мало лиц, способных для этого великого дела... Степень развития Бал-

тийских провинций выше, чем в остальной России. Все просвещенные русские, хотя и с сожалением, сознаются в этом; только некоторые горячие и заблуждающиеся из ложного патриотизма головы утверждают противное... Автор доклада (имеется в виду Уваров — Э. М.) хочет, следовательно, чтобы балты пожертвовали частью своей культуры для соединения с другими провинциями России. Как он не может понять, что его долг, напротив, трудиться в том направлении, чтобы развитие остальной России было поднято до уровня Балтийских провинций».

Эта выдержка, являющаяся ярким выражением фальсификации истории русской науки и культуры, содержит также беззастенчивый поклеп на представителей русской культуры, которые, будучи проникнуты именно чувством глубокого патриотизма и любви к своей родине и народу, прославили их своими выдающимися открытиями и творениями, в ряде случаев опередив развитие науки в Западной Европе. Противопоставление якобы особой культуры Балтийских провинций великой русской культуре уже того времени является не только смехотворным, но носит явный вызывающе-враждебный характер по отношению к русскому народу. Ведь это была уже Россия Грибоедова с его бессмертной комедией «Горе от ума», обличающей общественно-политический строй России, раболепие перед иностранщиной, призывающей к созданию передовой национальной культуры. Это было время, когда вся Россия оплакивала трагическую гибель своего национального гения — великого Пушкина, задолго до смерти бросившего смелый и свободолюбивый призыв:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Это была Россия Лермонтова с его обличительным стихотворением „На смерть поэта”.

Это была Россия Крылова и Гоголя, уже создавшего «Ревизора».

Эти великие представители русского народа создали антифеодальную, народную литературу величайшего мирового значения.

В это время М. И. Глинка, о котором Чайковский сказал: «Глинка вдруг одним скачком стал наряду (да, наряду!) с

Моцартом, Бетховеном и с кем угодно» — уже создал свой шедевр оперного искусства «Ивана Сусанина» (1836 г.).

Величайший русский актер-реалист М. С. Щепкин положил основание подлинно-национальному русскому театру своей деятельностью с 1823 года в «Малом Театре», который современники называли «вторым Московским университетом» за его участие в острой общественно-политической борьбе.

Великие русские зодчие — Воронихин, Захаров, Росси — уже украсили столицу такими шедеврами архитектурного искусства, как Казанский собор, Адмиралтейство, Александринский театр, здание Главного штаба, архитектурный ансамбль — «Улица зодчего Росси» и др.

Русское искусство выдвинуло ряд величайших мастеров живописи и скульптуры — Венецианова, Иванова, Брюллова, Мартоса, Клодта и др.

В России издавались десятки научных и общественно-политических журналов. В них начал печатать к этому времени свои статьи великий русский критик В. Г. Белинский.

Русская передовая общественность со страниц журналов, в художественных произведениях кисти и пера, с подмостков театра, смело бросала вызов самодержавно-крепостническому строю, препятствовавшему развитию подлинной науки и культуры. На премьере «Ревизор» (1836 г.) Николай I был вынужден признаться: «Всем досталось, а мне больше всех.»

Спрашивается, какое отношение ко всем этим величайшим достижениям русской национальной культуры и ее развитию имели Балтийские провинции с их жалким феодально-мещанским антинародным общественным состоянием? Потерей какой культуры, спрашивается, угрожало для балтов сближение с Россией? И кого подразумевал под „балтами” Георг Паррот, — немецко-дворянское и буржуазное меньшинство эксплуататоров основного, чуждого им по национальности населения Прибалтики?

Совершенно очевидно, что это могло угрожать только крепостнической «культуре» баронов, т. е. их полному произволу и безнаказанности за издевательства над беззащитными эстонцами и латышами, а также монопольному положению немецкой профессуры университета*).

*) «Старые сословные перегородки, правоверное лютеранство и высасывание соков из крестьян, — вот что они называют немецкой культурой.»

К. Маркс 1870 г.

Объективно и, нужно думать, к этому времени и субъективно, Паррот и выступал адвокатом «балтов», выражая столь высокомерное пренебрежение к русскому народу. Но и в Балтийских провинциях и, в частности, среди профессуры университета не все нанимали Паррота в свои адвокаты.

В университетской среде против намечаемых реформ по сближению университета со всей Россией были профессора прибалтийского происхождения, действовавшие в то время заодно с предводителем лифляндского дворянства бароном Бруйнингом. Профессора же иностранцы из Германии и среди них такие выдающиеся, как физиолог Фолькман, химик Гебель и др., относились к этому сочувственно, так же как и довольно широкие круги местной буржуазии, выразителем мнения которых являлось даже такое влиятельное официальное лицо, как бургомистр города Риги Тимм.

Попечитель округа и университета Крафстрем писал по этому поводу Уварову в 1839 году: «Прискорбно видеть, что так называемые представители здешнего края, с некоторой им принадлежащею партией, восстают против правительства, затрудняют ход дел, прибегая даже к самым неблагоприятным и упорным средствам для достижения своей цели с намерением всему противиться, устранить всякое постороннее влияние, истребить всеми силами все то, что может со временем их сблизить с Россией, и тем соорудить полную свою независимость, тогда как, с другой стороны, многие здешние жители нисколько не вооружаются, совершенно покойны, не восстают против введения порядка лучшего устройства и распространения русского языка, рассматривая это как меру, полезную для благосостояния будущего поколения».

Из этого донесения Крафстрема видно, что в это время в Прибалтике и в университете не было единства взглядов на сближение с остальной Россией, и что буржуазия края и значительная часть интеллигенции оставались в это время в оппозиции к дворянству. Дворянство принимало свои меры через немецкое окружение при царском дворе. Об этом свидетельствует другое письмо Крафстрема Уварову, написанное за год до первого: «По дошедшим до меня сведениям я узнал, что отправившиеся в Петербург депутаты от здешнего дворянства, между прочими делами, намерены просить по примеру, как сие было при начале устройства университета, о назначении от дворянства

попечителей, а именно из каждой губернии остзейских провинций по одному; предположение их клонится к тому, чтобы сим назначением сохранить и поддержать национальность и немецкие обычаи, которые, по мнению их, находятся в опасности по случаю нововведений, как-то русского языка и других устройств порядка при университете».

Это письмо Крафстрема в еще большей степени подтверждает солидарность Паррота с остзейским дворянством в противодействии сближению университета с другими частями России.

Но, может быть, Паррот в своем отрицании самостоятельного развития просвещения в России не имел в виду ее общественно-политического развития, литературы и искусства, а только область точных наук. Но и в этом случае он допустил вопиющее искажение действительности или обнаружил отсталость в науке к этому времени. Поэтому я остановлюсь только на нескольких примерах из области физико-математических наук, представителем которых был Паррот.

К первой половине XIX в. относится деятельность величайшего представителя математической науки Н. И. Лобачевского, давшего решение вопроса о так называемом 5-ом постулате Эвклида о параллельных линиях, над которым около двух тысячелетий безуспешно трудились математики всего мира. На основе решения этой проблемы Лобачевский в 1829 году пришел к построению новой, неэвклидовой или, как теперь ее называют, геометрии Лобачевского.

Идеи Лобачевского носили в высшей степени смелый и революционный характер и составили эпоху в математике, продолжая оказывать влияние на ее развитие и в настоящее время. Крупнейший математик XIX века, немецкий ученый Гаусс, еще при жизни Лобачевского, оценил его идеи и стал изучать русский язык с целью ознакомления с его работой в оригинале. И это было в то время, когда физик Паррот направлял Николаю I свое письмо против улучшения преподавания русского языка в Тартуском университете!

Лобачевский был воспитанником Казанского университета. Будучи студентом, он был обвинен «в признаках безбожия и многих ложных понятиях».

Одним из его учителей, оказавшим на него большое влияние, был математик Бартельс, впоследствии профессор Тартуского университета. С 1827 года в течение девятнадцати лет Лоба-

чевский состоял ректором Казанского университета и способствовал его научному развитию. Именно он обратил внимание на исключительные дарования будущего знаменитого русского химика Н. Н. Зинина, благодаря ему оставленного при университете.

Другой замечательный математик Мих. Вас. Остроградский, выдающийся представитель математической физики, в одно время с Парротом был членом Академии Наук. Остроградский также был воспитанником русского, Харьковского, университета. За вольнодумство Остроградский был лишен диплома и вынужден был отправиться в 1822 г. в Париж. Знаменитый французский математик Коши уже в 1825 году отозвался в своем мемуаре с похвалой об исследованиях Остроградского. По предложению французских математиков Остроградский преподавал математику в колледже Генриха IV. По возвращении в Россию он в 1830 году был избран академиком, но был взят под надзор полиции. Он был избран академиком также Туринской, Римской и Американской Академий и членом-корреспондентом наиболее тогда сильной Парижской Академии. И в лице Остроградского, как и Лобачевского, русская научно-математическая мысль опережала западную науку. Так, в 1840 году Парижская Академия объявила премию на решение проблемы вариационного исчисления, тогда как эта проблема была решена Остроградским в труде, опубликованном в 1834 году.

Слава Остроградского была столь велика в России, что молодых людей, поступавших в университеты, близкие напутствовали словами: «становись Остроградским». И, действительно, многие ученики Остроградского стали профессорами университетов, технических и военных учебных заведений. В те же годы в Петербурге, в Медико-Хирургической Академии, работал профессор физики В. В. Петров, открывший явление теплового и светового действия электрического тока и также опередивший в этом отношении зарубежную науку.

Но самым замечательным в истории культуры России было появление уже в конце XVIII и начале XIX столетий талантливых изобретателей, подлинных новаторов науки, из среды простых русских людей крепостного состояния, как гениальный изобретатель И. П. Кулибин и строители паровых машин И. И. Ползунов, Е. А. Черепанов и др.

Вот что писал по этому поводу в 1839 году другой представитель Тартуского университета, прославленный ученый, академик Карл Бэр:

«... простые русские люди почти всегда пролагали пути научным изысканиям. Вся Сибирь с ее берегами открыта таким образом. Правительство всегда лишь присваивало себе, что народ открывал.

Таким образом, присоединены были Камчатка и Курильские острова. Только позже они были освоены правительством.

Предприимчивые люди из народа открыли всю цепь островов Берингова моря и весь русский берег северо-западной Америки. Смельчаки из народа впервые прошли морской пролив между Азией и Америкой, первыми нашли Ляховские острова и много лет посещали пустыни Восточной Сибири, прежде чем об их существовании узнала Европа...»

К. Бэр относился к числу тех прогрессивных деятелей русской науки, которые, несмотря на свое немецко-прибалтийское происхождение, честно отдавали свои силы и знания на пользу народам России, искренне считая ее своей Родиной.

На чем же основывал свое высокомерное отношение к русской науке и русским людям Паррот, сам не внесший в отличие от Бэра крупного вклада в науку?!

Ведь к моменту открытия Тартуского университета прошло уже три четверти столетия с основания в 1725 году в Петербурге Российской Академии Наук и при ней гимназии и университета и полвека с основания в 1755 году, стараниями М. В. Ломоносова, старейшего в нашей стране Московского университета. В XVIII же веке были открыты Медико-Хирургическая Академия, Горный Институт и ряд других технических, а также высших военных учебных заведений и среди них, уже в 1715 году, Морская Академия, воспитавшая знаменитых русских мореходов и флотоводцев: Лисянского, Крузенштерна, Лазарева, Беллинггаузена и других.

Первый период существования Академии Наук связан в истории русской науки с именем гениального русского ученого-энциклопедиста М. В. Ломоносова.

Чести состоять членами русской Академии Наук добивались виднейшие европейские ученые. С первых лет ее существования в ней стали работать математики Даниил Бернулли и Леонард Эйлер, крупнейший математик XVIII века, известные натуралис-

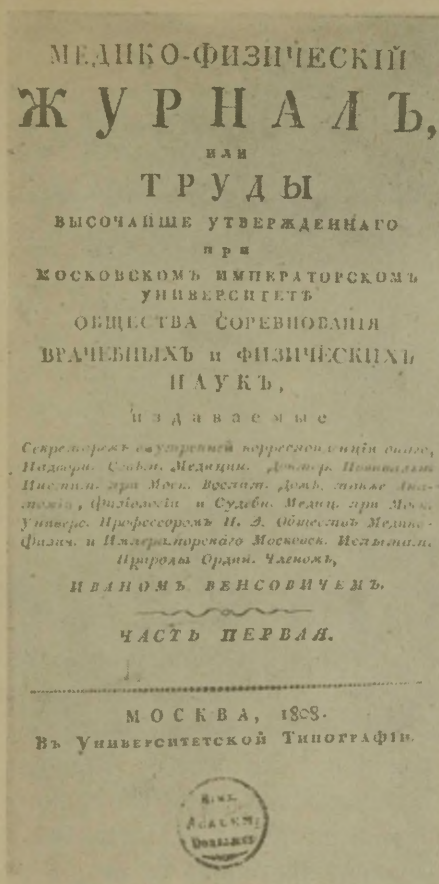
ты Гмелин и Каспар Вольф. Почетными членами Академии Наук состояли французские философы-энциклопедисты Дидро, Вольтер, Д'Аламбер и Кондорсэ. Но не мало проникло в Академию бездарных и невежественных академиков-немцев. Ломоносов с самого начала повел борьбу против них и за воспитание в стенах самой академии русских национальных кадров ученых. В основанной им химической лаборатории он проводит практические занятия со студентами на полвека ранее немецкого химика Либиха, которому несправедливо приписывается якобы первое введение практического преподавания химии. К концу XVIII и началу XIX вв. в стенах Академии Наук и высших учебных заведений сформировались замечательные национальные кадры русских ученых. Среди них особенно выдающимися явились в деле опытного изучения природы и естественных богатств России и способов их использования академики В. М. Севергин, один из основоположников минералогии и аналитической химии, и выдающийся естествоиспытатель Н. Я. Озерецковский.

Трудами Ломоносова и его последователей, а также философскими обобщениями А. Н. Радищева, к концу XVIII века в России было положено прочное начало материалистическому опытному изучению природы методами точных экспериментальных наук. Радищев писал: «Успехи науки, а паче химии и физики доказывают, что не невозможно когда-либо счастливыми опытами уловить природу в ее творительном, производительном стану».

Эти ярко выраженные материалистические тенденции русских ученых конца XVIII века были направлены против виталистических, идеалистических теорий в естествознании и философии.

Этим и объясняется, что достигшее в конце XVIII и начале XIX вв. своего расцвета и господствующего полжения в Германии натурфилософское идеалистическое направление, отрицавшее значение опыта в исследовании природы и основывавшее его на логических категориях разума, т. е. на чисто умозрительных построениях, не нашло подходящей почвы для своего развития в русской науке. Попытки утверждения натурфилософских взглядов даже со стороны такой яркой личности, как физиолог Петербургской Медико-Хирургической Академии Даниил Велланский, встретили решительный отпор уже в первые годы XIX в. на страницах русских общественно-политических журналов, игравших выдающуюся роль в формировании мировоззрения русской

интеллигенции. Среди научных журналов, подвергавших критике шеллингову натурфилософию, надо отметить «Вестник естественных наук и медицины», издававшийся с 1828 года профессором медицинской химии Московского университета А. А. Иов-

ским, одним из учителей Н. И. Пирогова. Но эта критика началась еще значительно раньше. Так, например, в имеющемся в библиотеке Тартуского университета «Медико-физическом журнале», издававшемся Обществом соревнования врачебных и физических наук при Московском университете, в первом томе, в 1808 году, в редакционной статье, при оценке философии Канта, усматривается в качестве положительной ее стороны то, что она «открывает пространное поле наукам, основывающимся на опыте и благоприятствует наблюдениям — сему необманчивому способу

открывать истину». С другой стороны, в этой статье обращается внимание, как на отрицательное явление в медицине того времени, «что некоторые... мечтают о возможности основать медицину на одних умствованиях и из высокопарностей трансцендентальной философии из тесного круга явлений, в котором врач находится, хотят перейти в бесконечную область мнимой трансцендентальной медицины».

Характерно, что членами этого общества при Московском университете уже в 1808 году состоял ряд профессоров Тартуского университета*).

Центром этой научно-философской дискуссии явился именно Московский университет в 20—30 гг. XIX в., т. е. в период, когда в нем учился Н. И. Пирогов.

В знаменитых философских сочинениях другого его воспитанника А. И. Герцена — «Письмах об изучении природы» эта борьба завершилась торжеством опытного материалистического направления. Вместе с тем, в итоге этой дискуссии выяснилась и недостаточность одностороннего эмпиризма и огромное значение научной теории. Герцен указал на необходимость сочетания опыта и умозрения. О первом из «Писем» «Эмпирия и идеализм» В. И. Ленин писал: «Здесь Герцен подошел вплотную к диалектическому материализму».

В это время преодоление натурфилософского, умозрительно спекулятивного направления в Германии шло медленнее. Трансцендентальная философия Шеллинга подготовила почву для гегелевской идеалистической философии природы. Вот, что писал в 1833 году Н. И. Пирогов о своем пребывании в Германии во время научной командировки из Тартуского университета: «Медицина того времени стояла в Германии на распутьи. Самая сущность этой науки препятствовала ей отдаться в руки гегелевской философии, но тем не менее это философское направление всех наук того времени препятствовало и медицине следовать спокойно и неуклонно путем чистого наблюдения и опыта». «Трансцендентализм был слишком модным».

А вот показание другого воспитанника Тартуского университета, знаменитого основоположника эмбриологии, Карла Бэра.

* Г. Изенфлам, первый профессор кафедры анатомии и физиологии, и профессор математики и астрономии И. Пфафф.

Опубликованный им в 1828 году труд «История развития животных» встретил отрицательное отношение со стороны немецких ученых и прусского правительства. Прусское министерство просвещения стало тормозить экспериментальную научную работу Бэра. Причиной этого было то, что открытия Бэра опровергали идеалистическую, метафизическую теорию преформизма.

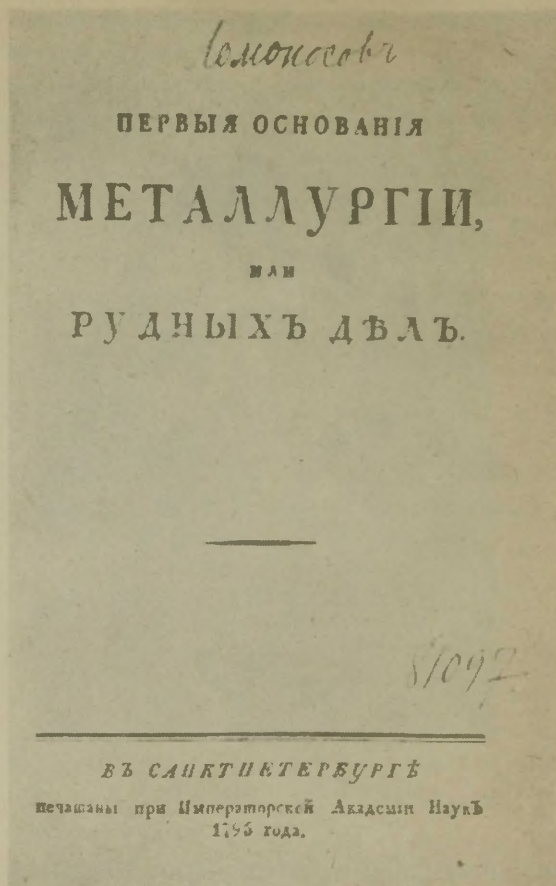

Карл Бэр в годы юности.

О революционном характере открытия Бэра свидетельствует Ф. Энгельс («Введение в диалектику природы»): «Характерно, что одновременно с нападением Канта на учение о вечности солнечной системы Каспар Вольф произвел в 1759 году сперва нападение на теорию постоянства видов, провозгласив учение о их развитии. Но то, что было у него только гениальным предвосхищением, то приняло более конкретные формы у Окена, Ламарка, Бэра, и было победоносно проведено в науке ровно сто лет спустя в 1859 году Дарвином».

Каспар Вольф, о котором пишет Энгельс, был русским академиком и умер в 1794 году в Петербурге. Именно его идеи

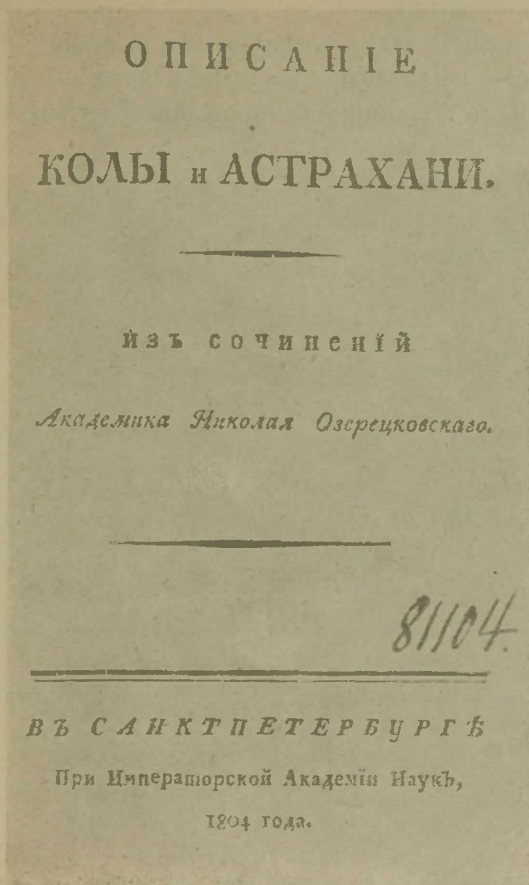
оказали большое влияние на Бэра. Под влиянием открыто недружелюбного отношения со стороны немецких ученых К. Бэр прекратил в Кенигсберге свои работы по эмбриологии. Спустя тридцать лет, когда он стал прославленным ученым, он с

горечью вспоминал об оказанном ему немецкой наукой приеме и писал в автобиографии, что германские ученые должны были бы покраснеть от стыда по этому поводу. Он пишет, что все эти огорчения заставили его вновь «обратить взоры на восток». И он уехал в Петербург в Академию Наук, куда он уже повторно обращался с просьбой о приеме его в состав ее членов.

В резкой форме господство натурфилософов в германской медицине характеризовал и знаменитый немецкий химик Юстус Либих: «Человека, который в состоянии безумия лишает жизни

другого, государство подвергает заключению и делает неспособным вредить, а им до сих пор разрешается воспитывать наших врачей и передавать им это состояние безумия, которое им разрешает со спокойной совестью и по принципам умершвлять тысячами».

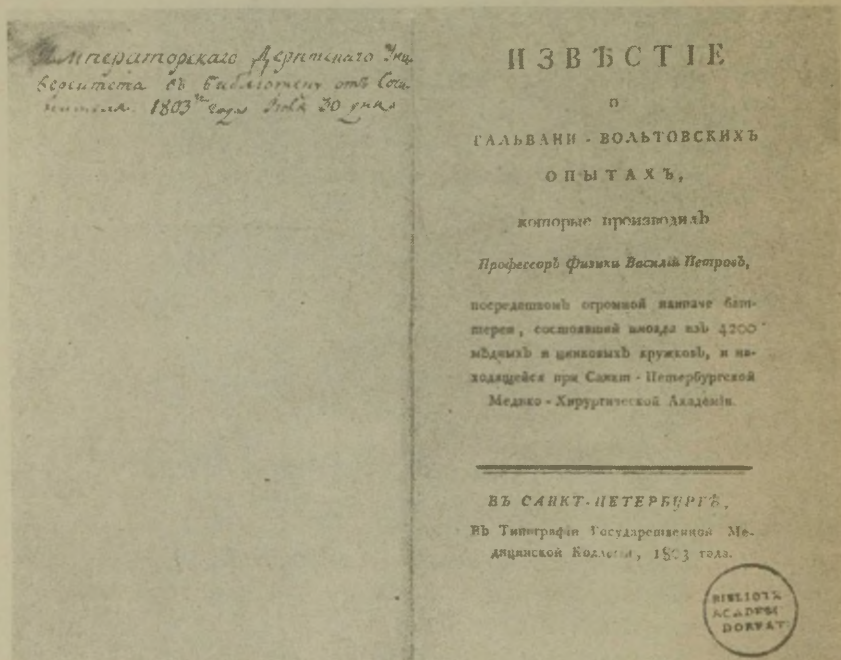
В области физиологии в Германии также на долгое время утвердились натурфилософские доктрины крупнейшего физиолога того времени Иоганна Мюллера, которого, как писал В. И. Ленин, Людвиг Фейербах «чрезвычайно метко» причислил к физиологическим идеалистам.

Высказывания Либиха свидетельствуют о том, что и в Германии были представители науки, отрицательно относившиеся к

натурфилософии, однако, последняя подавляла эти материалистические тенденции среди германских ученых.

И вот, в противоположность утверждению о том, что Тартуский университет находился под влиянием германской научной мысли и представлял собой передаточный пункт по распространению ее в России, с начала его существования характерным для него является опытное материалистическое направление в изучении явлений мертвой и живой природы и медицины.

Мы это иначе не можем объяснить, как только тем, что первые же профессора, в большинстве приехавшие из Германии, очутив-

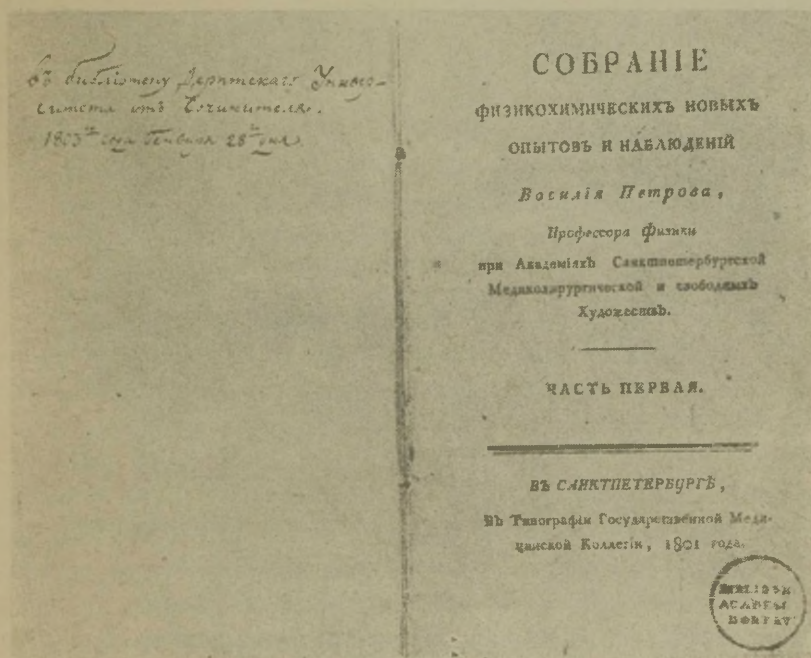

шись в России, освободились от давления натурфилософской идеалистической идеологии, доминировавшей в германских университетах и, таким образом, в своих научных исследованиях в области естествознания и медицины попадали в общее русло прогрессивной русской научно-материалистической мысли.

Это не значит, что в стенах университета не было вообще борьбы между этими двумя основными философскими направлениями: материалистическим и идеалистическим. Примеры этого были, но характерно, что в первый период его суще-

ствования большинство выступало против представителей шеллинговой натурфилософии. Это явилось причиной короткого пребывания и ухода из университета даже такого выдающегося ученого, как анатом и физиолог Бурдах (1811—1814 гг.). По поводу несочувствия к его натурфилософским взглядам других профессоров, в том числе и выдающегося ботаника, автора «Flora Rossica», Ледбура, он писал: «Иные отрещиваются и желают предать их анафеме...»

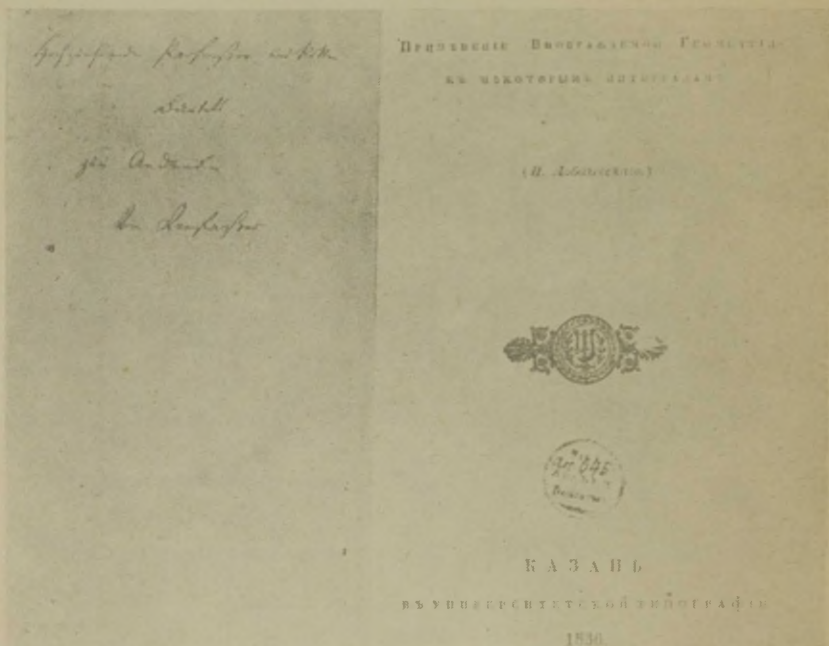
Об идейно-научной связи, в которую вступил Тартуский университет в первые же годы своего существования с русской

наукой, красноречиво говорит наличие в его библиотеке русской научной литературы. Замечательно, что в ней имеется полный комплект всех периодических изданий Петербургской Академии Наук, начиная с первого тома первого из них: «Комментарии Санкт-Петербургской Академии», изданного в 1727 году, т. е. за три четверти века до основания Тартуского университета. В течение всего XVIII и до конца XIX века издания Академии Наук печатались на латинском, французском и немецком языках, благодаря чему профессора Тартуского университета свободно могли

следить за научными работами русских академиков и профессоров русских университетов, в том числе и Тартуского, публиковавших там свои исследования.

Точно также имеются в библиотеке «Технологический журнал», издание Академии Наук, с 1804 года; старейший русский «Горный журнал», с 1825 года; «Журнал Земледельческий», издание Московского Общества Сельского Хозяйства, с 1825 года, и ряд медицинских журналов с начала XIX века. Кроме периодических изданий, в библиотеке находятся отдельными книгами работы выдающихся русских академиков конца XVIII

и начала XIX века в изданиях того времени, среди них работы М. В. Ломоносова, Севергина, Озерецковского, две книги выдающегося физика, академика В. В. Петрова, подаренные им университету в 1803 году с собственноручной о том надписью.

Надо считать большой ценностью библиотеки обнаруженный также мною экземпляр работы Лобачевского «Применение воображаемой геометрии к некоторым интегралам» с личной его надписью*), подаренный им его учителю профессору Бартельсу, в то время уже профессору Тартуского университета.

*) «Высокоуважаемому профессору и кавалеру Бартельсу на память от сочинителя».

Медицинская русская наука представлена в библиотеке «Курсом анатомии», 1818 года, а также другими работами профессора Московского университета Е. Мухина, учителя Н. И. Пирогова. В ней имеются также: первый труд физиолога Петербургской Медико-Хирургической Академии Д. М. Велланского «Биологическое исследование природы в творящем и творимом ее качестве, содержащее основные очертания всеобщей физиологии», 1812 года; «Сокращенная Анатомия», издание 1808 года, профессора Медико-Хирургической Академии П. А. Загорского, отца товарища Пирогова по Тартускому университету; «Физиология, изданная для руководства своих слушателей» А. Филомафитского, также товарища Пирогова; диссертации И. П. Павлова, С. П. Боткина, И. М. Сеченова и А. Я. Данилевского, и многих других русских ученых.

Эта довольно многочисленная русская научная литература, в значительной части относящаяся к первому периоду существования университета, является вещественным доказательством знакомства его профессоров с трудами выдающихся русских ученых.

Другой замечательной формой непосредственной связи с русской наукой и ее задачами было участие многочисленных профессоров университета различных специальностей в изучении природных богатств России путем экспедиций в самые отдаленные и тогда мало исследованные ее северные, восточные и юго-восточные районы, что стало патриотической традицией Академии Наук с начала ее существования: «Свои ученые разыскания по химии употреблять на такие вещи, кои натурой производятся в пределах Российской Империи». Но это касалось не только химических изысканий, а в равной степени ботанических, зоологических, физических и геолого-минералогических. Эти экспедиции расширяли кругозор Тартуских ученых, обогащали музеи и кабинеты кафедр ценными коллекциями, что оплодотворяло научную работу в стенах самого университета и повышало качество преподавания, знакомя студентов с естественными богатствами и особенностями России. Участие в научных экспедициях по изучению и выявлению природных ресурсов государства стало одной из лучших традиций университета на всем протяжении XIX и начала XX вв. Особенно ценными по научным результатам явились геолого-минералогические и ботани-

ческие исследования Кавказа, Урала, Сибири, Средней Азии, включая такие отдаленные области как Камчатка, Алтай и др.

Были получены данные о залежах железа, цветных металлов, алмазов и др. В качестве иллюстрации этого рода деятельности университета приведу работу кафедры минералогии и геологии.

О П Ы Т Ъ
МИНЕРАЛОГИЧЕСКАГО
ЗЕМЛЕОПИСАНІЯ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

изданный
трудами Сташскаго Совѣтника,
Академика и Кавалера
ВАСИЛЬЯ СЕВЕРГИНА.

Часть первая.

Первый профессор минералогии Мориц Федорович Энгельгардт, член-корреспондент Академии Наук, уже в 1811 году осуществлял экспедиции в Крым и на Кавказ. Став профессором в 1820 году, он совершил многочисленные геологические экспедиции в Олонецкую, Архангельскую, Саратовскую губернии и на Урал. Вследствие ушиба, полученного на Урале в 1831 году, лишился отчасти зрения. Объявлял и читал лекции по приклад-

ной минералогии и геогностическому строению России по книге академика Севергина: «Опыт минералогического землеописания Российского Государства» (1809 г.) и основы географии минералов России, также по Севергину. Эти сочинения Севергина имеются в библиотеке университета и, следовательно, они служили также и в качестве учебных пособий для студентов.

Результаты своих исследований Энгельгардт печатал в русском «Горном журнале», например, «О месторождении золота и платины в Уральских горах», 1829 г.; «О месторождении алмазов в хребте Уральском» 1831 г.

Следующий за Энгельгардтом, читавший лекции по минералогии, Эрнст Гофман, еще до окончания университета в 1823 году, вместе с другим питомцем университета, будущим знаменитым русским физиком Э. Х. Ленцем, принял участие в качестве геолога в русском морском кругосветном плавании*). После возвращения из плавания, результаты которого им были описаны в специальном труде, он по поручению горного ведомства исследовал Южный Урал. В 1835 году защитил диссертацию «Краткий обзор геогностических отношений среднего Урала». После чтения лекций в качестве приват-доцента в течение двух лет в Тарту, был назначен профессором в Киев, затем в Петербургский университет и Горный Институт. Продолжал экспедиционные изыскания. Из работ, напечатанных в «Горном журнале» отметим: «О золотых промыслах восточной Сибири».

Следующим представителем геолого-минералогической науки в Тартуском университете с 1842 года был выдающийся геолог первой половины XIX в. Г. Абих. В 1844 году он отправился на Кавказ и так заинтересовался геологическими исследованиями его, что оставил университет, но состоял с ним в переписке. Продолжал непрерывно на Кавказе работу до 1876 года. Был избран в члены Академии Наук. Многие его работы напечатаны на

*) Второе кругосветное плавание О. Е. Коцебу на шлюпе «Предприятие» (1823—1826 г.), во время которого были открыты в Тихом океане три группы островов, одна из которых была названа островом Эшшольца, по имени профессора зоологии Тартуского университета.

В своих наблюдениях Ленц пользовался инструкцией, составленной Г. ПАРРОТОМ, о котором он отзывался с большим уважением, как о своем учителе и ученом. Они совместно изобрели два прибора, батрметр и глубомер, составившие эпоху в океанографии. Адмирал С. О. Макаров в последствии писал: «Наблюдения Ленца не только первые в хронологическом отношении, но первые в качественном...». Э. Х. Ленц. АН СССР 1950 г.

русском языке, в частности, в «Горном журнале», например: «Несколько замечаний об Алавердском и Шамлуческом медных рудниках в Самхетии», «Месторождение магнитного железняка на берегу Черного моря».

За Абихом минералогию читал А. И. Шренк, уроженец Тульской губернии. По окончании Тартуского университета сперва служил (1837—1844 гг.) в Петербургском ботаническом саду и совершил экспедиции в тундры, Киргизские степи, Джунгарию и др. малоисследованные окраины России. Защитил диссертацию: «Орографически-геогностический обзор северной части Уральских гор».

После Шренка профессором минералогии был Константин Иванович Гревингк. По окончании Тартуского университета и заграничной командировки, с 1846 года состоял консерватором минералогического музея Петербургской Академии Наук, а с 1852 года библиотекарем Горного Института. Был командирован правительством на Урал, Канин полуостров и в другие места.

Защитил в 1854 году диссертацию при Петербургском университете: «Уральские изумрудные копи и их окрестности», после чего 33 года был профессором в Тартуском университете.

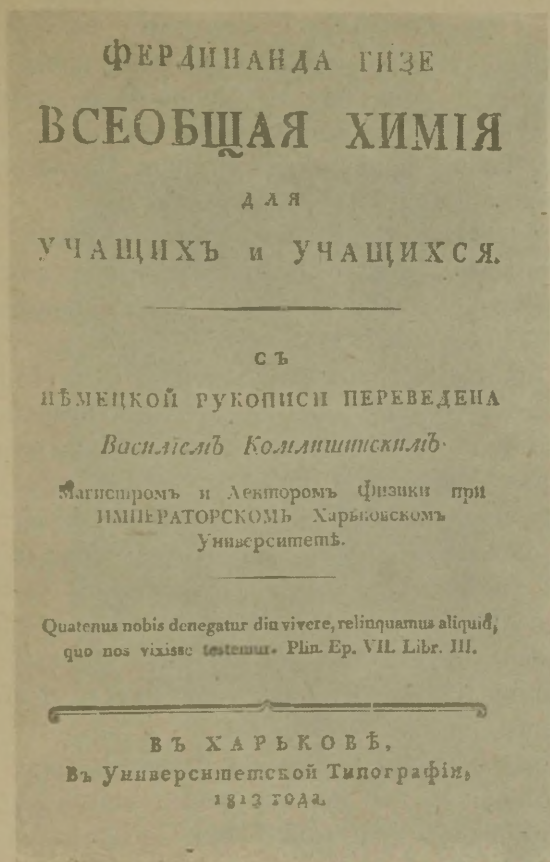
После него минералогию представляли его ученики: Дыбовский и др., а затем выдающиеся русские геологи Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, действительный член Академии Наук, и Н. И. Андрусов, уже воспитанники других русских университетов (Петербургского и Новороссийского) и вплоть до начала XX-го века продолжавшие эту славную традицию по выявлению минеральных богатств России.

Изложенная здесь кратко история одной из кафедр Тартуского университета на протяжении всего XIX века не только является подтверждением участия его ученых в исследовании и решении важнейших задач народного хозяйства России, но вместе с тем опровергает представление об одностороннем влиянии их на русскую науку. Аналогичные факты связи с русскими научными центрами можно привести и из истории других кафедр.

На самом деле, как мы видели, ряд будущих профессоров и доцентов университета, по окончании его, сперва работают в других научных учреждениях России и после приобретения там

соответствующей научной квалификации переходят на преподавательскую и научную работу в Тартуский университет, внося в него прогрессивные традиции русской науки.

В ряде случаев, даже в первые годы после открытия университета, его профессорами становились ученые, не окончившие

его, а перешедшие из других русских университетов. Для подтверждения этого приведу несколько примеров.

Выдающийся химик-аналитик и фармацевт Иван Гизе был профессором Харьковского университета с 1803 года, т. е. с момента его основания, по 1814 год. Он издал на русском языке пятитомный курс химии «Всеобщая химия для учащихся и учащихся», долгое время применявшийся во всех высших учебных заведениях. Многие его работы, особенно по исследованию минеральных вод России, были напечатаны также на русском языке.

О его работе: «Физико-химическое и врачебное испытание минеральных и целебных вод и некоторой глины» историк химической лаборатории Харьковского университета Н. Н. Осипов пишет: «... просто любуешься последовательностью и точностью работы». Только после одиннадцатилетней работы в Харькове Гизе в 1814 году переходит профессором химии в Тартуский университет. Гизе принадлежит приоритет первого выделения алкалоида хинина из коры хинного дерева и притом в кристаллической форме, о чем он дает подробный отчет в пятом томе своего руководства, вышедшем в 1817 году, т. е. на три года ранее сообщения французских химиков Пеллетье и Кавенту, которым обычно приписывают это открытие.

К числу учеников Гизе принадлежит Герман Генрихович Гесс, родившийся в Женеве и привезенный отцом в Россию трехлетним ребенком. Однако Гесс, как и знаменитый Бэр, только окончил Тартуский университет. Вся же его научная деятельность протекала в Петербурге, где с 1830 года он состоял профессором только что основанного химико-технологического института, а в 1834 году был избран ординарным академиком. Гесс стоит в ряду мировых ученых как основатель термохимии.

Другой русский академик, Александр Шерер, уроженец Петербурга, окончил Иенский университет и был затем фактически первым профессором химии в Тартуском университете с 1803 года*), однако, уже через 1½ года перешел профессором химии в Медико-Хирургическую Академию и с 1815 года стал членом Академии Наук. В 1808 году издал «Руководство к преподаванию химии» на русском языке.

Деятельность академиков Гесса и Шерера была в высшей степени плодотворной для русской науки как в учебном, так и в научном отношении. Не может быть никакого сомнения, что за их научными работами следили профессора Тартуского университета, и тем самым устанавливалась научно-идейная связь с другими центрами русской научной мысли, — заслуживает более глубокого исследования мысль о том, что выдающиеся физико-химики Густав Тамман, уроженец Петербургской губернии, и Вильгельм Оствальд, уроженец Риги, вышедшие из Тартуского университета, формировались в первую очередь именно под ее

*) Состоя еще до этого с 1796 г. членом-корреспондентом Петербургской Академии Наук.

влиянием. В связи с этим хочется отметить, что в библиотеке Тартуского университета имеются также и труды выдающегося русского химика Н. Н. Бекетова, в частности, его диссертация (1853 г.), читавшего курс физической химии в Харькове, когда Вильгельм Оствальд был еще мальчиком.

Еще один наглядный пример. Знаменитый исследователь платиновых руд Карл Клаус, уроженец Тарту, оставшись без родителей 14 лет, в 1810 году переехал в Петербург и поступил учеником в аптеку. В 1815 году выдержал при Медико-

Карл Клаус.

Хирургической Академии экзамен на звание аптекарского помощника 1-го класса, в 1816 году сдал экзамен на провизора при Тартуском университете и утвержден был в звании аптекаря 2-го класса Петербургской Медико-Хирургической Академией. Затем долго работал аптекарем в Казани и занимался научной работой по ботанике, изучая флору Урала и волжских степей. Издал впоследствии в Петербурге сочинение «Местная флора районов Волги». С 1831 года по 1837 год состоял ассистентом химии в Тарту у профессора Гебеля. В 1837 году защитил

магистерскую диссертацию и по прочтении пробной лекции в Медико-Хирургической Академии был назначен в Казанский университет адъюнктом по фармации, а после защиты им в этом университете докторской диссертации: «Химическое разложение Сергиевских минеральных вод» стал в 1839 году профессором химии.

В Казани Клаус, по поручению правительства, произвел исследования платиновых руд, в результате чего в остатках их открыл в 1844 году новый элемент, названный им в честь России рутением. В Казани в это время уже работал и знаменитый русский химик Н. Н. Зинин. Трудami обоих выдающихся ученых «Казанская химическая школа поднялась на невиданную для скромного провинциального университета высоту» — пишет советский академик А. Е. Арбузов. Из этой школы вышел А. И. Бутлеров, учившийся одновременно у Н. Н. Зинина и К. Клауса. Только после столь плодотворной и длительной работы в Казанском университете Клаус в 1851 году был избран профессором фармации в Тартуский университет, куда и переехал в 1852 году.

Таким образом, Тартуский университет в лице Клауса получил выдающегося представителя русской химии, полностью сформировавшегося в ученого в стенах Казанского университета, где он в течение многих лет находился в непосредственном общении с такими корифеями русской научной мысли, как Лобачевский и Зинин. После этого, в течение 12-ти лет, Клаус работал в Тартуском университете и являлся в нем, естественным образом, живым связующим звеном с русской наукой.

Необходимо заметить, что работы Гесса в столь специальной области, как термохимия, и открытие нового элемента Клаусом требовали, помимо рук опытного химика, также и хорошо оборудованной лаборатории. Таким образом, решительно опровергается реакционная версия о том, что в России в первой половине XIX века не было будто бы условий для серьезной научной работы. В это время в России хорошие химические лаборатории существовали, помимо университетов и других высших учебных заведений, на многих крупных заводах. Отчеты о деятельности этих лабораторий, печатаемые в «Горном Журнале», дают наглядное представление об их несомненно хорошем оснащении и о работах по внедрению новых методов лабораторного исследования.

Об этом же свидетельствует и письмо видного профессора химии Тартуского университета Карла Гебеля, основателя при нем первого фармацевтического института в России, к жене в 1828 году: «Мой кабинет и лаборатория оснащены по-царски, и если здесь какой-нибудь профессор что-нибудь хочет делать и делает, то он всегда найдет поддержку...»

В 1829 году он пишет: «Кабинет уже сейчас богаче, чем какой-либо в Германии». Из этих восторженных отзывов видно, что не только в идеологическом, но и в материальном отношении германские ученые, приезжавшие в Россию в Тартуский университет, оказывались в более благоприятных условиях для научного исследования, чем в Германии. Но этим не исчерпывалась благоприятная обстановка, содействовавшая быстрому научному развитию университета. Был еще и другой важный момент политического характера. Но сперва остановимся на одном замечательном событии в истории университета, на создании так называемого Профессорского института.

Странное чувство испытываешь, когда читаешь в наше время объективистскую версию истории открытия этого института. Прежде всего подчеркивается инициатива Георга Паррота, жившего тогда уже в Петербурге и подавшего в 1827 году соответствующий проект под названием «*Mémoire sur les universités de l'intérieur de la Russie*», получивший одобрение и утверждение Николая I.

Это верно. Но разве можно согласиться, когда при этом и Паррот и Николай изображаются людьми, озабоченными распространением образования в России и подготовкой для этого русских профессоров, и с этой именно целью останавливают свой выбор на Тартуском университете, как на стоящем на наиболее высоком научном уровне по сравнению с другими русскими университетами.

Именно так изображается это событие у одного из биографов Н. И. Пирогова — С. Я. Штрайха: «Дерптский университет был выбран правительством в качестве культурного этапа на перепутьи между Россией и Западом, где должны были готовиться к профессуре «природные россияне». «Идея создания профессорского института при Дерптском университете возникла у проф. Г. Ф. Паррота. Поддерживавший с ним, по примеру Александра I, близкие отношения Николай I отнесся внимательно к проекту Паррота, велел отобрать во всех тогдашних

русских университетах 20 «лучших студентов, природных русских, с беспорной, надежной нравственностью, природными дарованиями, любовью и прилежанием к наукам» и послать их «с надежным начальником» на 3 года в Дерпт...»

Выходит, что Паррот и Николай являлись чуть ли не последователями Ломоносова в деле выполнения его патриотического завета о создании русских национальных кадров ученых. А между тем, это в корне противоречит исторической действительности. Николай I ненавидел русскую науку, русских ученых и русские университеты и боялся их. И не без основания. Например, — Московский университет. Вот что об этом пишет его воспитанник Н. И. Пирогов. Что декламировали в группе студентов, с которой он общался каждый день в 10-ом номере корпуса квартир для казеннокоштных студентов? Для иллюстрации он приводит следующие стихи:

«Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью вижу.
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле...»

Это ода «Вольность» Пушкина.

Пирогов пишет, что среди них, студентов, «все запрещенные стихи, вроде оды «Вольность», «К временщику» Рылеева... и т. п. ходили по рукам, читались с жадностью, переписывались и перечитывались сообща при каждом удобном случае». «О боге и церкви... знать ничего не хотели и относились ко всему божественному с полным пренебрежением».

Проникли при Пирогове в студенческую среду и отголоски идейно-философской дискуссии в стенах университета, направленной в защиту материализма. «Послышались — пишет Пирогов — чаще имена Шеллинга, Гегеля, Окена». «При ежедневном посещении университетских лекций и 10-го номера все мое мировоззрение очень скоро изменилось, но не столько от лекций... сколько, именно, от образовательного влияния 10-го номера».

Вот каково было политическое настроение студенчества русских университетов и с каким общественно-политическим мировоззрением и кругозором пришел Пирогов из Московского университета в Тартуский. Через два года после окончания университета Н. И. Пироговым в него поступил А. И. Герцен. Это уже было время разгула Николаевской реакции. Герцен

пишет: «Явился Николай с пятью виселицами, белым ремнем и голубым Бенкендорфом». «Все пошло назад, кровь бросилась к сердцу, деятельность, скрытая снаружи, закипала, таясь внутри. Московский университет устоял и начал первый вырезываться из-за всеобщего тумана. Государь его возненавидел с полежаевской истории».

Несмотря на ненависть царя и меры надзора, «... мы и наши товарищи, — пишет далее Герцен, — говорили в аудитории открыто все, что приходило в голову; тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки, запрещенные книги читались с комментариями...» Что же такое Полежаевская история? Студент Полежаев был «известен в университете своими превосходными стихами. Между прочим, написал он юмористическую поэму «Сашка»...», — пишет Герцен. «В ней, не стесняя себя приличиями, шутливым тоном и очень милыми стихами задел он многое».

Пирогов пишет, что среди студентов было известно, что Николай, приехавший в Москву на коронацию, явился инкогнито в университет и, сделав обыск, нашел на кровати Полежаева его стихи. После моральных издевательств над Полежаевым, Николай отдал его в солдаты, где он и погиб от чахотки. Герцен подробно передает о личных издевательствах Николая, рассказывая со слов самого Полежаева. При этих издевательствах присутствовал будущий министр просвещения, курляндский немец, князь Ливен, бывший тогда попечителем Тартуского университета и личный друг Паррота*).

Это было в 1826 году, а в 1827 был подан Парротом вышеуказанный проект об основании Профессорского института в Тартуском университете. Этот проект был инспирирован, повидимому, свыше. Профессорский институт должен был готовить благонадежных профессоров для русских университетов. Да, именно, политически благонадежных. Все дело, именно, в этом. Разве мог Николай доверить Московскому или другим университетам коренной части России, проникнутым такими выраженными антисамодержавными революционно-демократическими тенден-

*) У Герцена князь Ливен именуется министром просвещения уже в период Полежаевского инцидента. Князь Ливен был назначен министром в 1828 году. Но присутствие его при расправе Николая с Полежаевым свидетельствует об особом доверии к нему со стороны царя.

циями, подготовку профессоров? А необходимость в образованных людях, специалистах, хотя бы для армии, ощущалась все сильнее. Этого не мог не чувствовать даже такой крепостник, как Николай. Поручить это дело иностранным университетам тоже казалось ненадежным. Еще при Александре I, особенно после убийства в Германии царского резидента Августа Коцебу студентом Зандом, в правительственных сферах создалось преувеличенное представление о германских университетах, как об опасных будто бы рассадниках безбожия и вольнодумства. В специальном секретном мемуаре главного правления училищ «Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne» сообщалось о них следующее: «... необузданная молодежь, отвергающая спасительную власть закона, предается всякого рода крайностям и безнравственным порывам; профессора хлопочут только о гонораре и популярности. В их руках теология сделалась врагом религии; медицина думает своим анатомическим ножом проникнуть в святилище души, а юридические науки проповедуют право сильного». Когда, например, в 1819 году правительству стало известно, что принятый в Тартуский университет профессор Снель бежал из Германии в Россию от угрожавшего ему ареста за его политические убеждения, он был уволен. Перед его отъездом студенты устроили ему сочувственную демонстрацию.

В 1821 году рижский губернатор маркиз Пауллуччи, по указанию правительства, вызвал из германских университетов обучавшихся в них молодых людей из Остзейских губерний. В 1823 году последовало запрещение принимать в Тартуский университет русских подданных, которые обучались ранее в германских университетах. Так принимались меры уже в начале 20-х годов не только против внутренних, но и зарубежных источников «смуты». А ведь речь идет уже о кануне 30-го года, года революционных потрясений в Европе и на собственной территории России, — в Польше.

Николаю ничего не оставалось, как довериться своим верноподданным остзейцам. Тартуский университет и был избран как наиболее в политическом отношении благонадежный для воспитания русских профессоров в духе благочестия и верноподданических чувств.

Было бы неправильно думать, что другие русские высшие учебные заведения, из стен которых вышли Лобачевский, Остроградский и другие выдающиеся ученые, а также Академия

Наук не могли бы справиться с этой почетной задачей подготовки профессоров из русской талантливой молодежи. Аргументация, что в Тартуском университете, в силу преподавания там на немецком языке, имеются и туда могут быть приглашены выдающиеся ученые из Германии, была явно несостоятельна, ибо иностранные ученые, и не менее выдающиеся, были и в других русских университетах, а также в Академии Наук. Но самое главное, — во всех русских высших учебных заведениях были и вырастали талантливые русские ученые, творческие силы и возможности которых искусственно подавлялись правительственной реакцией. Однако, при создании соответствующих условий для их деятельности они безусловно с еще большим успехом могли бы справиться с почетной задачей обеспечения русских университетов подготовкой национальных ученых. Интересно, что при обсуждении проекта Паррота в «Комиссии по устройству учебных заведений» против него высказались председатель Шишков и члены Сперанский и Строганов. Если оппозицию Шишкова можно объяснить с точки зрения его реакционно-славянофильских взглядов, то это неприложимо к Сперанскому, представителю противоположного лагеря западников.

За организацию Профессорского института в Тартуском университете высказались: князь Ливен, свидетель Полежаевской трагедии, граф Ламберт, Уваров, Блудов и Шторх. Фамилии и личности говорят сами за себя.

Кто же был назначен директором института, блюстителем нравственности его воспитанников? — В. И. Перовицкий. Н. И. Пирогов подчеркивает, что «Перовицкий перешел в Дерпт из Казани, где он был профессором во времена Магницкого, положившего глубокий отпечаток на всю его деятельность и даже на самую его физиономию». И далее изображает его, как тип «сухого, безжизненного, скрытного или ничего не выражающего бюрократа».

Духовного преемника Магницкого назначило царское правительство в воспитатели будущих профессоров для русских университетов! «Перовицкий — рассказывает Пирогов — имел, конечно, инструкцию следить за нашей нравственностью...» И Пирогов не ошибался. В инструкции, данной Перовиickову, указывалось, что «директор должен стараться держать в молодых людях религиозное и верноподданническое чувство... посещать их от времени до времени в их жилищах, а иногда прини-

мать участие в их занятиях и увеселениях». Для нас лично, таким образом, нет сомнения в правильности нашей, противоречащей до сих пор существующей и общепринятой концепции на истинные причины основания Профессорского института именно в Тартуском университете. Но совершенно правильно отмечается, что Профессорский институт сыграл большую положительную роль в развитии науки в России: за это говорит уже одно имя Пирогова. Но следует добавить, что институт не остался без влияния и на самый Тартуский университет.

Николай ошибался в своей политической оценке Тартуского университета, что касается Паррота, Ливена и других остзейцев, то они возможно имели и более объективное представление об этом, но решили использовать создавшуюся ситуацию для осуществления политики обособления университета от остальной России, мотивируя это как средство, необходимое для ограждения его от влияния русской революционной мысли.

После того, как попытка остзейского дворянства, сделанная им при основании университета, подчинить его своему идеологическому влиянию путем учреждения дворянского кураториума потерпела неудачу, между ним и университетом на многие годы установились неприязненные взаимоотношения, которые, не ограничиваясь сферой деловой, переходили в область общественной жизни. На эту «ненормальность» обратил внимание ректора Паррота еще Александр I при своем втором посещении университета в 1804 году, выразив желание, «чтобы исчезли последние следы недоразумений университета с другими сословиями, под которыми разумелось, конечно, прежде всего дворянство» (Петухов). Но эти недоразумения не исчезли. В 1811 году попечитель Московского учебного округа П. И. Голенищев-Кутузов сообщал министру просвещения графу Разумовскому: «За должное почитаю донести в. с., что у нас гораздо поумножилось число лифляндских дворян, слушающих профессорские лекции; ныне их человек 12, весьма хороших семей и весьма благонравные люди. На вопрос мой, отчего лифляндские дворяне не в Дерпте учатся, а к нам приезжают, они отвечали, что еще многие сюда собираются, и скоро никого из дворян в Дерптском университете не останется, ибо-де всю доверенность потеряли, потому что профессеры явно проповедуют безбожие, и пока-де Клиндер будет попечителем, то и не будет иметь никакой доверенности к университету: ибо-де Клиндера вся Лифляндия нена-

видит, яко человека дурных правил, злобного и безбожного, а в Дерптском университете дошло до того, что щеголяют безбожием, и профессоры без стыда говорят: мы-де знаем, что попечителю сие учение приятно, что-де его эта цель всем ученым известна, чтобы религию, яко предрассудок, истребить, о чем-де есть особые его тайные предписания».

Сообщаемые в этом письме сведения интересны с трех точек зрения. Во-первых, они отражают продолжавшуюся борьбу дворянства за идеологическое подчинение себе университета путем обособления его, как и вообще Прибалтики, от остальной России, чем и объясняется опорочивание попечителя Клингера, как представителя центрального государственного управления, в неприсущих ему качествах безбожия*). Подтверждением этого объяснения являются одновременные доносы дворян и на ректора Паррота о его якобы ультра-демократических воззрениях и о том, что он будто бы был во время французской революции в Париже председателем клуба Якобинцев. Вся же вина Клингера и Паррота, людей не любивших России, чуждых всему русскому и преданных только лично царю, заключалась в том, что они неуклонно проводили правительственную политику первой половины царствования Александра I, следствием которой было подчинение университета центральной власти.

Во-вторых, письмо Голенищева-Кутузова является неоспоримым и наглядным доказательством того, что все возражения остзейцев о трудностях и невозможности ввести преподавание в университете на русском языке были необоснованы, если целые группы остзейской дворянской молодежи могли слушать профессорские лекции на русском языке в Московском университете.

Выходит, что в стенах Гартуского университета дворяне отказывались изучать русский язык, а в Московском университете свободно могли на нем слушать лекции.

Характерна в этом отношении судьба повторного обращения в совет университета профессора положительного государственного

*) Фридрих Клингер — известный немецкий писатель периода «бура и натиска», поступивший на русскую военную службу, где бывший поклонник Ж. Ж. Руссо стал отменным начальником кадетского корпуса и в чине генерал-майора был назначен попечителем Дерптского учебного округа и университета.

ного и народного права И. Г. Неймана, иностранца по происхождению, бывшего прежде профессором в Казани, о необходимости требования знания русского языка при поступлении в университет и строгого экзамена при его окончании. Он считал «противным здравому смыслу», что «молодые люди, получающие в русском университете образование для служения русскому государству, выпускаются с надлежащими аттестатами об окончании курса и, следовательно, объявляются в публичном документе достаточно подготовленными для государственной службы, когда известно, что они не понимают языка своей страны». Мы видим, что в представлении немца Неймана из Германии Тартуский университет был не немецким, а русским. Нейман доказывал свои убеждения на деле и читал лекции хотя и на плохом, русском языке. Обращения Неймана не находили общего сочувствия в Совете.

И, наконец, в третьих, указания в рассматриваемом письме Голенищева-Кутузова на свободомыслие профессоров в Тартуском университете в то время не были лишены основания. Выйдя из непосредственной идеологической зависимости от реакционного остзейского дворянства, университет в дальнейшем в противоречивой обстановке продолжавшейся борьбы последнего с центральной государственной властью за автономию края при полном политическом доверии со стороны императорского двора к прибалтийскому дворянству, — ускользал в значительной степени от идеологического влияния правительственной реакции в отношении университетов и в гораздо меньшей степени, чем другие русские университеты, подвергся в первой четверти XIX столетия мрачному реакционному воздействию, связанному с деятельностью Магницкого. Доказательством этого является то, что из большого числа профессоров, изгнанных за вольнодумство и безбожие Магницким из Казани, некоторые, как Х. Ф. Нейе, И. Г. Нейман, М. Х. Бартельс, И. Ф. Эрдман, были приглашены в Тартуский университет.

Эрдман был наиболее выдающимся представителем медицинского факультета университета в период существования в нем Профессорского института и одним из учителей Н. И. Пирогова.

С другой стороны, в силу территориального положения Тарту, сюда явственнее доходили отзвуки революционных событий за рубежом, а в особенности польско-литовского восстания 30—31 гг. непосредственно на границах края, нашедшего отражение в настроении не только буржуазных кругов его городского насе-

ления, но и в массах эстонского и латышского крестьянства. В Тартуском университете появились студенты-греки после греческого освободительного восстания 20-ых годов против турецкого султаната, а также польские патриоты. Атмосфера национально-освободительных настроений в университете оказала известное влияние на развитие демократических взглядов великого армянского демократа-просветителя Абовяна, учившегося в Тарту в 30-ых годах. Усилению демократизации университета несомненно способствовало увеличение числа русской молодежи.

К русским студентам, занимавшимся в университете частным порядком, присоединилось, начиная с 1828 года, в связи с организацией Профессорского института значительное число молодых людей, окончивших другие русские университеты, главным образом, Московский, а также присланные для специализации из некоторых учебных заведений Петербурга. Эта русская молодежь пришла в Тартуский университет с теми антисамодержавными, революционно-демократическими тенденциями, носителями и центрами которых были русские университеты.

В 1829 году было основано русское землячество, и председателем его стал поэт Н. М. Языков. Вызывает подозрение тенденциозно одностороннее освещение в немецкой печати образа жизни и поведения Языкова в период его пребывания в Тарту. Есть основания предполагать, что на этих студенческих пирушках не только распевались застольные песни, но и велись разговоры на более актуальные темы. Не надо, впрочем, забывать, что и песня Языкова «Будет буря: мы поспорим», ставшая одной из популярнейших среди тогдашней интеллигентской молодежи в России и среди русской части дерптского студенчества, в частности, стала запретной, ибо в ней правительство усматривало недвусмысленные намеки на бури революционные.

Весьма важным для характеристики общественно-политического умонастроения в университете в тот период является свидетельство Н. И. Пирогова, что студенчество «не было чуждо политических тенденций».

Вместе с революционным мировоззрением, талантливые воспитанники русских университетов вносили и новые идеи в область науки. Ярким примером этого является Н. И. Пирогов. Ошибочно было бы формирование таких выдающихся русских ученых, как Н. И. Пирогов и замечательный русский физиолог А. М. Филомафитский, объяснять только влиянием Дерптской научной

школы. Не надо забывать того влияния, которое оказали на формирование их мировоззрения оконченные ими университеты, в частности, Московский — на Н. И. Пирогова. Прав Герцен, когда он пишет: «Московский университет свое дело делал; профессора, способствовавшие своими лекциями развитию Лермонтова, Белинского, Тургенева, Пирогова, могут спокойно лежать под землей». И с этой характеристикой профессоров Московского университета вполне совпадает то, что пишет о них Н. И. Пирогов в своих воспоминаниях: «Московский университет того времени мог похвалиться именами таких ученых как Юст Христиан Лодер (анатом), Фишер (зоолог), Гофман (ботаник), именами таких практиков-врачей, как М. Я. Мудров, Е. О. Мухин, Ф. А. Гильдебрандт».

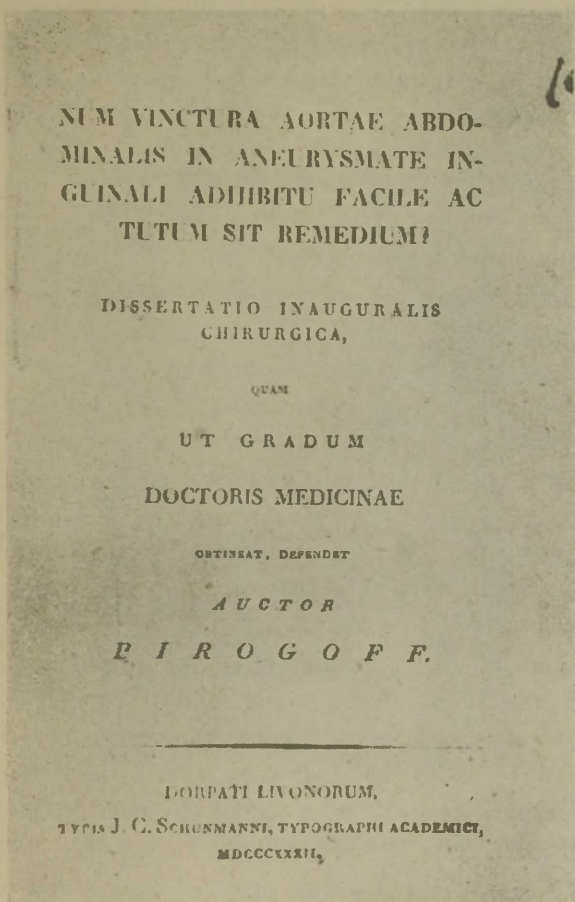
Хотя преподавание шло главным образом по книгам, но были и исключения: «Наглядность учения и демонстрацию можно было найти только на лекциях Лодера». Ставились опыты и на лекциях по химии у профессора Геймана, а также по физике: «На лекциях у Двигубского слышались хлопанье, треск...»

Но и в Тартуском университете с преподаванием было не лучше. Пирогов пишет: «Демонстративных лекций в то время на медицинском факультете, за исключением хирургических и анатомических, вовсе не было; ни физиологические, ни патологические лекции не читались демонстративно. Зачем же, думая, тратить время в дремоте и спать на лекциях». И Пирогов с первых же дней приезда в Тарту уходит целиком в занятия хирургией и анатомией. Откуда же появилось это стремление у Пирогова к опытному анатомическому изучению хирургии? Ведь у его тартуского учителя хирургии, профессора Мойера, этого направления не было, как и вообще в Тарту. Его не было, как известно, в то время в хирургии вообще. Ответ на это мы находим у самого Пирогова в указании на влияние в этом направлении на него его учителя по Московскому университету, корифея отечественной медицины, профессора М. Я. Мудрова: «Он много мне принес пользы тем, что беспрестанно толковал о необходимости учиться патологической анатомии, о вскрытии трупов, об общей анатомии Бинэ и тем поселил во мне желание познакомиться с этой *terra incognita*».

Характерно, что при выборе им предмета специализации в Профессорском институте Н. И. Пирогов указал сперва на физиологию и потому, что в основе ее лежала анатомия, и, только

получив в этом отказ, остановился на хирургии, так как уже тогда ему казалось, что она основана на знании анатомии.

Таким образом, Пирогов приехал в Тартуский университет с определенными научными стремлениями, заложенными в нем его профессорами в Московском университете и, повидимому, глав-

ным образом, анатомом Ю. Лодером и выдающимся клиницистом М. Я. Мудровым.

«Приехав в Дерпт, — пишет Пирогов, — без всякой подготовки к экспериментальным научным занятиям, я бросился очертя голову экспериментировать». И в другом месте: «не находя много занятий в маленькой клинике (хирургическая клиника Мойера. — Э. М.), я почти всецело отдался изучению

хирургической анатомии и производил операции над трупами и живыми животными».

Вся специализация Пирогова в Тарту в области хирургической анатомии была вполне самостоятельным трудом; в этой области у него учителей в университете не было. Наоборот, работы Пирогова даже оживили угасавшие уже научные интересы его учителя хирургии профессора Мойера: «Повидимому, появление на сцену нескольких молодых людей, — пишет Пирогов, — ревностно занимавшихся хирургией и анатомией, к числу которых принадлежали, кроме меня, Иноземцев, Даль и Липгарт, несколько оживило научный интерес Мойера. Он, к удивлению знавших его прежде, дошел в своем интересе до того, что занимался вместе с ними по целым часам препарированием над трупами в анатомическом театре».

Н. И. Пирогов самостоятельно создал опытное экспериментальное направление в хирургии, основанное на точном знании анатомии и физиологических отношений, и этим завершил в медицине победу материалистического опытного над идеалистическим натурфилософским направлением.

Он сделал в медицине то, что другой воспитанник Московского университета Герцен — в области философии. Так, в лице Пирогова русская научно-материалистическая мысль нашла своего блестящего представителя и воплощение в стенах Тартуского университета.

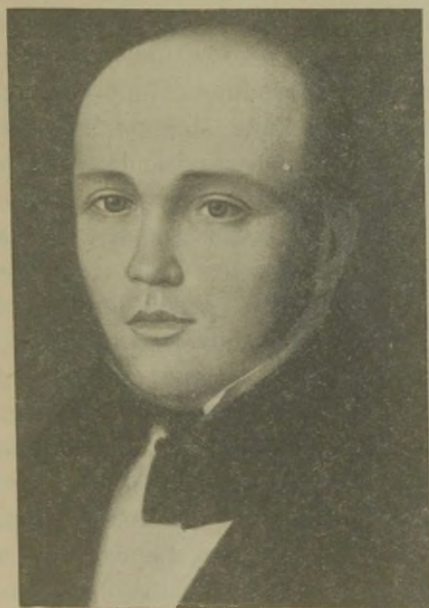
Вот как рисует Пирогов состояние медицины в Германии во время своей научной командировки в 1833 году. «Но я застал еще в Берлине практическую медицину почти совершенно изолированной от главных реальных ее основ: анатомии и физиологии. Было так, что анатомия и физиология сами по себе, а медицина сама по себе. И сама хирургия не имела ничего общего с анатомией».

О прославленных немецких хирургах он писал: «Ни Руст, ни Грефе, ни Диффенбах не знали анатомии». «По мнению Диффенбаха «*anatomicus chirurgicus*» это была самая плохая рекомендация для хирурга».

«Про операции, делавшиеся в Charité, самые неопытные студенты говорили, что там надо учиться — как не делать операции». «Мне, — пишет Пирогов, — как практиканту досталось также сделать три операции... Грефе был доволен, но он не

знал, что все эти операции я сделал бы вдесятеро лучше, если бы не делал их неуклюжими, мне несподручными инструментами».

О лучшей больнице Берлина Charité Пирогов писал: ««Charité» во все время моего пребывания была резервуаром госпитальной нечистоты (госпитального антонова огня) и гнойного заражения». «Да и долго спустя после того, в 1864 году, при посещении клиники Юнгена в Charité, госпитальная нечисть не исчезла». А вот, что писал Пирогов из своей командировки во Францию в 1839 году, уже в бытность свою профессором Тартуского университета, его ученому совету.

Н. И. Пирогов. С портрета художника А. Д. Хрипкова (Юрьев, 1830-е годы).

Привожу выдержки из этого письма:

«Высокопоставленному Совету Императорского Дерптского Университета.

Основная цель моего путешествия, надеюсь, исполнена тем, что теперь я имею возможность получить ясное понятие о духе французской хирургии, которое можно получить только лишь посредством вдумчивого наблюдения». «Мне было приятно установить, что мне не было незнакомо ни одно из новых достижений французской хирургии, и их всех от времени до времени я мог

увидеть в практике». «Кто полагает, что результаты госпитального лечения во Франции удачнее, чем наши, очень ошибается — ужасная рожа господствует здесь чаще, чем в другом месте, она добавляется к самым ничтожным повреждениям, в особенности в весенние месяцы». «Непосредственное соединение больших ран без нагноения удастся еще реже, чем у нас и т. д.».

Так разрушается миф о превосходстве в то время западной, в частности, германской науки.

Пирогов пробыл в Тартуском университете в общей сложности, включая и годы командировок, 13 лет, из них пять лет в качестве профессора, заведующего кафедрой и клиникой хирургии, и не подлежит никакому сомнению огромное влияние гениального хирурга на развитие научно-медицинской мысли в его стенах. Блестящие операции Пирогова приводили всех в изумление и восторг. Клиника Мойера, приходившая в упадок, по отзывам студентов, ожила. Кроме Н. И. Пирогова, из среды воспитанников Профессорского института, давшего за все время своего существования для русских университетов около двадцати профессоров, необходимо особо отметить прежде всего замечательного русского физиолога А. М. Филомафитского, который своей педагогической и научной деятельностью с 1835 года в качестве профессора физиологии Московского университета утверждал в естествознании опытно-материалистические позиции, выступая в своих блестящих лекциях против отвлеченных умствований натурфилософии. А. М. Филомафитский, таким образом, был непосредственным преемником и продолжателем той идейной борьбы, которая велась перед этим в стенах Московского университета А. И. Герценом и его друзьями.

Так надежды реакционного царского правительства на воспитание «благомыслящих» ученых в Профессорском институте в Тартуском университете не оправдались. Воспитанники его вернулись в другие русские университеты зрелыми учеными, утверждавшими свое прогрессивное мировоззрение опытом научного исследования и лекционной деятельностью.

К числу таких товарищей Пирогова и Филомафитского по Профессорскому институту нужно отнести А. П. Загорского, сменившего на кафедре физиологии в Медико-Хирургической Академии Д. Веланского и направившего свою деятельность там на преодоление натурфилософских взглядов своего предшественника и на введение экспериментального преподавания физио-

логии. В течение четверти века, в 30—60-ых годах, успешно преподавал зоологию в Петербургском университете С. С. Куторга, первый пропагандист учения Дарвина в России. О товарище Н. И. Пирогова, Ф. И. Иноземцеве, ставшем профессором Московского университета, Н. А. Белоголовый, слушавший его лекции вместе с С. П. Боткиным и И. М. Сеченовым, в своих воспоминаниях пишет: «Самым же даровитым и наиболее популярным профессором был бесспорно Ф. И. Иноземцев...» Про лекции Иноземцева Н. А. Белоголовый пишет, что он «вносил в них столько пылко и молодого увлечения и любви к науке, что невольно сообщал их своим слушателям»; «...слушатели всегда валили толпой на его лекции и считали себя многим ему обязанными; их привлекало к нему его талантливое изложение, живое отношение к науке, стремление к точному разбору клинических больных, вырабатывавшее в слушателях необходимую наблюдательность и, наконец, искреннее и гуманное отношение к больным». «Иноземцев любил молодежь горячо...», «...студенты особенно уважали и ценили Иноземцева».

Не каждый профессор в то время мог добиться такой любви со стороны демократически настроенной молодежи русских университетов. Тот же Белоголовый весьма положительно характеризует также и другого клинициста, вышедшего из Профессорского института, И. В. Варвинского: «Студенты, после мало-научной и непитательной терапевтической клиники 4-го курса, попадали на лекции Варвинского как в обетованную землю, где дело велось весьма добропорядочно и где их голод в клинических познаниях получал достаточное удовлетворение».

И. В. Варвинский, как и Н. И. Пирогов, был в 40-ых годах, правда, с перерывом, в общей сложности около пяти лет профессором в Тартуском университете, после чего окончательно перешел в Москву.

Помимо медиков, несомненными талантами отличались прошедшие также подготовку в Тартуском университете: выдающийся электрохимик В. И. Лапшин, ставший профессором в Харькове; историк Н. А. Иванов, который сперва был профессором в Казани, а затем в Тартуском университете, и В. Федоров, талантливый ученик знаменитого астронома В. Я. Струве, совершивший вместе с Фридрихом Парротом, профессором физики, сыном бывшего ректора университета, в 1829 году первое восхождение на Арарат и после службы в Тартуской Астрономи-

ческой обсерватории занявший в 1838 году кафедру астрономии в Киеве.

Василий Яковлевич Струве окончил Тартуский университет и был в нем профессором с 1813 по 1839 год. В период существования Профессорского института в Тартуский университет было командировано значительное число офицеров русской армии и флота для обучения астрономо-геодезическим наблюдениям под руководством В. Струве. В 1832 г. Струве был избран действительным членом Петербургской Академии Наук и принял деятельное участие в создании Пулковской обсерватории, первым директором которой он и был назначен при ее основании в 1839 году. В. Струве был женат вторым браком на дочери математика Бартельса.

Эти примеры показывают, в какие глубокие персональные связи благодаря Профессорскому институту вступил Тартуский университет со многими научными центрами России.

Организация Профессорского института внесла несомненное оживление в научную деятельность Тартуского университета. Не без влияния на это оказалось прогрессивное научно-философское мировоззрение русской молодежи, пришедшей из других русских университетов и предъявлявшей в связи с этим определенные повышенные научные запросы к своим новым научным руководителям, превышающие интересы основной массы студенчества, как это мы видим на примере Н. И. Пирогова. Во всяком случае, несомненным фактом является совпадение со временем открытия Профессорского института начала научного расцвета университета. Этот расцвет захватывает потом сороковые, пятидесятые и начало шестидесятых годов.

Подъем науки в России в XIX веке, как известно, был обусловлен ростом революционно-освободительного движения и связанным с ним развитием научно-философской мысли. Работы А. И. Герцена, В. Г. Белинского, затем Д. И. Писарева и в особенности Н. Г. Чернышевского, создали материалистическую базу развития естествознания и медицины в России в XIX веке. Оба эти фактора оказывали влияние и на развитие науки в Тартуском университете, и значительную роль в этом деле сыграли учившиеся в нем русские студенты. Об этом свидетельствует наличие в библиотеке университета основных сочинений Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, а также русских общественно-политических журналов того времени.

Работы Чернышевского представлены, начиная с его знаменитой диссертации: «Эстетическое отношение искусства к действительности» (1855 г.). Интересным фактом является внесение в старый дореволюционный каталог библиотеки первого заграничного издания «Вольной русской типографии», 1861 года, запрещенного тогда сочинения А. И. Герцена «Былое и думы». Этот ценный экземпляр бичующего самодержавный строй России произведения носит следы частого его использования читателями и испрещен их многочисленными пометками.

Среди многочисленных в первой половине XIX века периодических изданий имеются такие прогрессивные журналы, как «Московский телеграф» — с 1828 года, редактировавшийся Н. Полевым, «Отечественные записки» и «Современник», идейным руководителем которых был В. Г. Белинский, с 1836 года. Для оценки дальнейшего развития и состояния идеологических настроений в университете в рассматриваемый нами период большой интерес представляют высказывания писателя В. А. Сологуба, учившегося в Тартуском университете в одно время с Пироговым в тридцатых годах, по поводу своего вторичного приезда в Тарту в 1859 году: «Общество Дерптское в то время мало изменилось с тридцатых годов, как я покинул Дерпт, и сохранило свою патриархальную семейственность; но зато университет или, скорее, направление в университете совершенно изменилось. Довольно значительный кружок русских студентов внес в него зачинающееся зерно нигилизма, — нигилизма, еще не имевшего, впрочем, этого названия, так как знаменитый роман Тургенева «Отцы и дети» появился только года через три после нашего переселения в Дерпт. Надо сказать, что немецкие головы, более тугие к понятливости, но зато часто также и более рассудительные, холодно отнеслись к новому учению, зато русская молодежь, и в особенности русские барыни, со свойственной им впечатлительностью, яростно примкнули к новому учению».

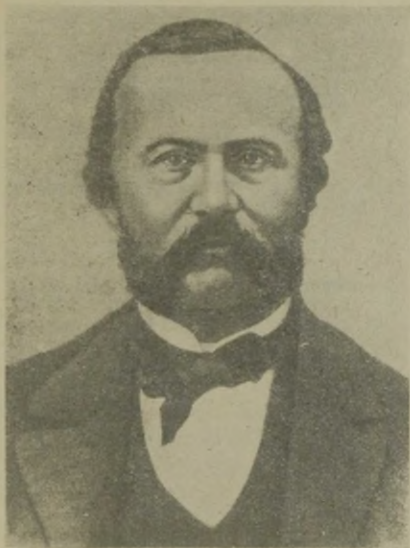
При чтении этих строк перед нами живо встает образ молодого естествоиспытателя-материалиста Базарова, вооруженного скальпелем, микроскопом и химикалиями. Но Базаров не только натуралист, анатомирующий природу, — это ученый революционер, сферой деятельности которого является лечение также болезней социальных. Тургенев назвал своего героя нигилистом, т. е. человеком, отрицающим «все», а, следовательно, и са-

мые основы самодержавно-крепостнического строя. Характерно, что появление среди студенчества Тартуского университета умонастроения, соответствующего Базаровскому нигилизму, Сологуб относит еще к 1859 году. Задачей Тургенева и было создать образ нового человека — демократа-разночинца. Борьба между либералами и революционными демократами-разночинцами началась еще до реформы 1861 года. В. И. Ленин указал именно на них, как на две исторические силы, «которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию».

В романе «Отцы и дети» представителями этих двух сил являются нигилист, естествоиспытатель Базаров и человек прошлого Павел Петрович Кирсанов. Тургенев писал Герцену по поводу их отношений: «Это торжество демократии над аристократией». В письме к К. Случевскому он дает еще более четкое определение: «Если он (Базаров) называется нигилистом, то надо читать: революционером». Популярность нигилизма Тургенев изобразил в дружбе с Базаровым либерального молодого помещика Аркадия Кирсанова, вместе с ним только что окончившего университет. К «нигилизму» начинают приставать попутчики, люди идейно и социально далекие от него. Содержание романа «Отцы и дети» стало известно еще до появления его в печати и встретило ожесточенный отпор в реакционном лагере. Представитель его, Катков, писал: «Подумайте только, молодец этот Базаров господствует безусловно над всеми... Далее итти нельзя». Неудачливый литератор и «либеральный» помещик Сологуб, доходящий в своих рассуждениях до идеализации крепостнических отношений, свое раздражение по поводу возрастающей популярности нигилизма, т. е. роста революционно-демократических настроений, с чем он столкнулся в Тартуском университете, срывает на ни в чем неповинных «русских барынях», а надежды на отпор нигилизму он возлагает на немецкие головы, «тугие к понятливости, но и более рассудительные». Ясно, на какую «рассудительность» немецкой части студенчества рассчитывал Сологуб. В отношении же «понятливости» немецкого студенчества университета, его дворянской части, такой апологет немецкого прибалтийского дворянства, как прибалтийский писатель того времени Бертрам, отмечает, что учащиеся из городских сословий в точных науках успевают больше, чем отпрыски дворянства, а последние

составляли меньшинство студенчества университета, ибо в большинстве недоучками шли в военные училища.

Высказывания Сологуба свидетельствуют, таким образом, что уже тогда Тартуский университет, являвшийся общественно-научным центром Прибалтики, находился под влиянием русской революционной идеологии и русской материалистической философии, и что в нем шло уже размежевание и борьба между революционно-демократическим и либерально-реакционным на-

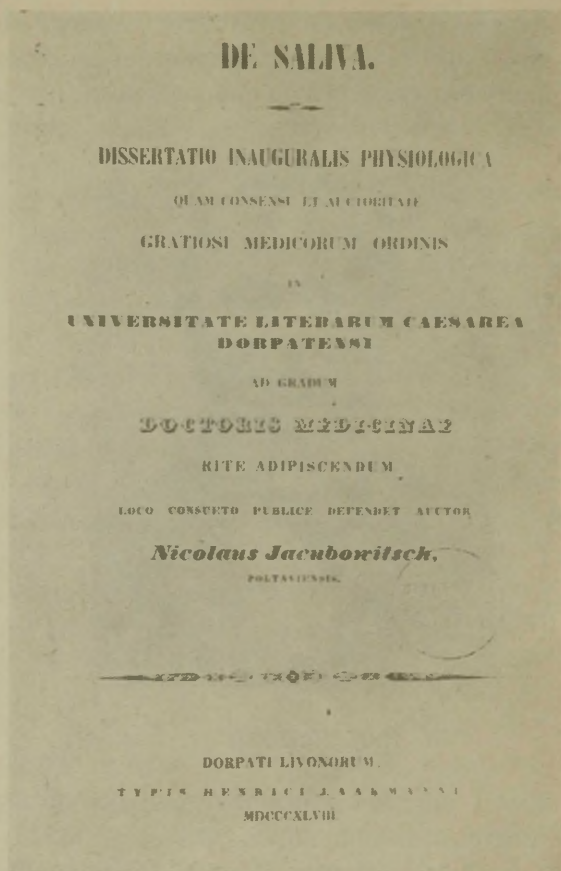
Н. М. Якубович.

правлениями. В это время в университете заметно увеличилось число студентов эстонцев и латышей.

Выдающийся эстонский общественный деятель Ф. Фельман, окончивший медицинский факультет, уже в 1842 г. занял должность лектора эстонского языка. Однако шовинистически настроенная часть профессуры университета воспрепятствовала избранию Фельмана в 1849 году на кафедру фармакологии и диететики. Ранняя смерть (1850 г.) прервала плодотворную деятельность Фельмана по собиранию эстонского фольклора.

Не случайно именно в 1857-1862 г., в период общего подъема революционно-освободительного движения в России, был напечатан эстонцем Ф. Крейцвальдом, окончившим Тартуский университет, эстонский эпос «Калевипоег». Это знаменовало собой подь-

ем национального самосознания эстонского народа, в лице его довольно уже значительной тогда демократической интеллигенции начавшего борьбу против остзейского немецкого дворянства за создание своей национальной культуры. Так в противоречии

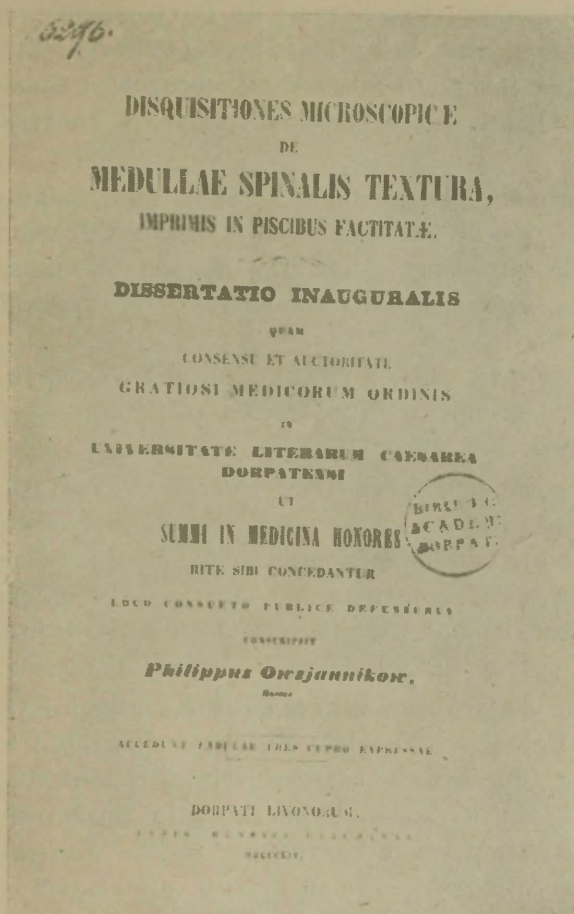

Русский перевод титульного листа диссертации Н. М. Якубовича: «О слюне. Диссертация по физиологии, которую по предложению и решению почетного медицинского совета Дерптского императорского университета для получения в соответствии с установленными формами степени доктора медицины в предвиденном для этого месте публично защищает автор Николай Якубович, из Полтавы. Дерпт Ливонский. Типография Генрика Лаакмана, 1848 г.».

социальных и национальных отношений Прибалтики в середине XIX века устанавливались еще более тесные связи ее научного центра с русской культурой.

Кто же были носителями «нигилизма» — представителями

передовых идей в науке того времени в стенах университета? В этот период из него вышел ряд замечательных ученых, занявших место среди ведущих представителей русской науки. Из них прежде всего должны быть отмечены физиологи Н. М. Якубович и Ф. В. Овсянников. Н. М. Якубович занял в 1857 г. кафедру в

Русский перевод титульного листа диссертации Ф. В. Овсянникова: «Микроскопическое исследование ткани спинного мозга, в частности, у рыб. Диссертация, которую по предложению и решению почетного медицинского совета Дерптского императорского университета для получения высшей медицинской степени в соответствии с установленными формами в предвиденном для этого месте публично защищает автор Филипп Овсянников, русский по национальности. К работе приложены три таблицы, тисненые на меди. Дерпт Ливонский. Типография Генрика Лаакмана, 1854 г.»

Военно-Медицинской Академии*). Его научная деятельность отмечена выдающимися исследованиями по микроскопическому строению центральной нервной системы, которые были удостоены Парижской Академией Наук Монтионовской премии.

Работа «Микроскопическое исследование начал нервов в большом мозгу» была опубликована Якубовичем совместно с другим питомцем Тартуского университета Ф. В. Овсянниковым, впоследствии ставшим членом Академии Наук (1864 г.). Микроскопическому строению спинного мозга была посвящена также и диссертация Ф. В. Овсянникова, выполненная им в Тартуском университете.

Х. С. Коштойац в своем труде «Очерки по истории физиологии в России» так оценивает роль Якубовича и Овсянникова в развитии русской физиологии: «В этот период их имена, вместе с именем И. М. Сеченова, олицетворяли собой физиологию в России».

Однако, у Коштойаца, к сожалению, нет указания на университет, который воспитал этих выдающихся деятелей русской науки и культуры.

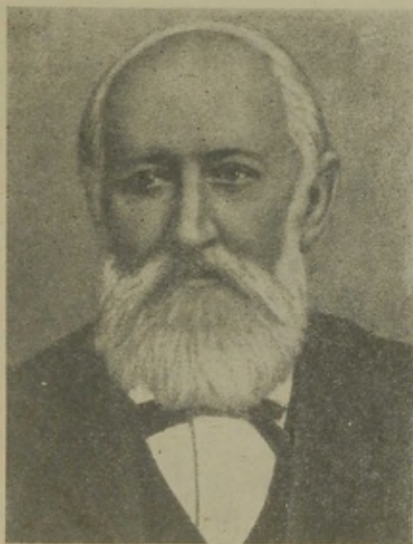
В лице своих передовых представителей Тартуский университет участвовал в общей борьбе русской революционно-демократической интеллигенции против реакционных тенденций в науке. Опытное материалистическое направление в философии и медицине в тот период еще встречало ожесточенный отпор со стороны отдельных представителей естествознания и медицины.

Профессор физиологии и патологии Казанского университета, англичанин Берви, в «Ученых Записках Университета», в 1858 году, в статье «Физиолого-психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни» писал: «Из нравственного мира материализм вторгается в святилище науки. Материалисты, вооруженные весами, стеклами и ножом, выражают открыто нам тайны природы... Это для общего блага страшное направление умов вменяет в обязанность каждому содействовать по силе воз-

*) Н. М. Якубович окончил Харьковский университет в 1843 г., после чего стал работать в Тартуском университете у профессоров анатомии и физиологии, Фолькмана и Ф. Биддера. В 1848 г. выполнил и защитил диссертацию у Биддера на тему. «О слюне». В 1853 г. был избран адъюнкт-профессором, а в 1857 г. утвержден экстраординарным профессором физиологии в Петербургской Медико-Хирургической Академии.

возможности отражению идеи материализма, превращающего всю жизнь в грубый сенсуализм».

Этот реакционный призыв встретил резкий отпор со стороны Н. А. Добролюбова, следствием чего явился письменный отказ студентов слушать лекции Берви, и он должен был покинуть Казанский университет. После него кафедра и преподавание физиологии в Казанском университете перешли к Ф. В. Овсянникову, питомцу Тартуского университета. Преподавание физио-

Ф. В. Овсянников.

логии питомцем Тартуского университета оказалось в соответствии с запросами демократически настроенного русского студенчества Казанского университета. Из Казани Ф. В. Овсянников перешел в 1866 г. на кафедру физиологии в Петербургский университет, где у него начал свою научную работу, еще будучи студентом, И. П. Павлов. Тартуский университет может гордиться тем, что питомец его, Ф. В. Овсянников, был первым научным руководителем гениального русского физиолога.

Характерным является также и другой пример. В 1861 году был выслан из Казани только что окончивший университет и оставленный для подготовки к профессуре по патологической анатомии Александр Петров за участие в больших студенческих сен-

тябрьских беспорядках, как оказывающий «вредное влияние на студенчество». Александр Петров поехал в Дерпт и выполнил здесь под руководством выдающегося химика Тартуского университета Карла Шмидта работу «К учению об уремии» (1862 г.). Вернувшись в Казань, он представил эту работу в качестве диссертации и был зачислен доцентом, а затем профессором патологической анатомии (1863). А. Петров был в течение 10 лет председателем Медицинского общества. В биографическом словаре Казанского университета сказано: «Как человек, воспитанный в традициях 60-ых годов, Александр Васильевич не замыкался в своем ученом кабинете, но постоянно работал на пользу общества, пропагандируя необходимость санитарно-научных исследований в их практическом приложении к жизни. Ближайшей целью он считал: изучение болезненных форм в связи с местными условиями их происхождения и развития».

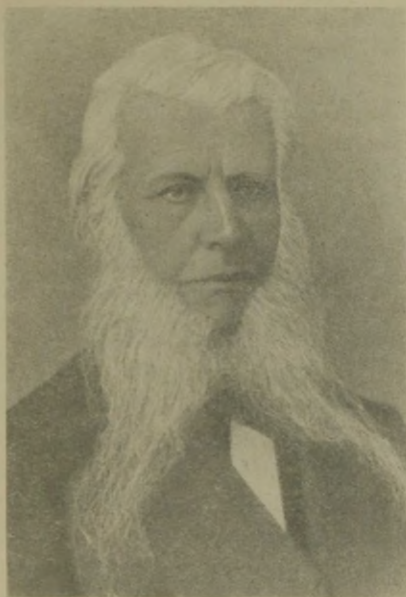
В том же 1861 году, за участие в студенческой демонстрации, был уволен из Казанского университета принадлежавший к тайной, наиболее крупной тогда в России революционной организации «Земля и воля» — студент В. А. Манасеин. В том же году В. А. Манасеину удалось поступить на медицинский факультет Тартуского университета, и здесь он начал активную подпольную революционную деятельность среди студенчества, в связи с чем в 1862 году, после обыска, был арестован жандармами и доставлен в Петербург. Здесь он просидел более 2-х месяцев в каземате.

Арест В. А. Манасеина стоял в связи с большим политическим делом того времени «О лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами,» т. е. А. И. Герценом, Н. П. Огаревым и другими. В 1863 году Манасеин был направлен обратно в Тарту (Дерпт) под строгий надзор полиции, где ему не удалось вновь установить подпольные связи с руководством «Земли и Воли».

Но здесь, в Тартуском университете, к этому времени уже складывалась иная обстановка, и В. А. Манасеину, несмотря на отличные успехи и близкое уже окончание последнего курса медицинского факультета, под давлением ряда профессоров, восстановленных против него за его корреспонденции об университете в русские газеты, было предложено ректором оставить университет.

В. А. Манасеин был вынужден сделать это и в 1864 году перешел в Медико-Хирургическую Академию в Петербурге. В. А. Мана-

сеин стал не только выдающимся терапевтом-ученым, еще в 70-ых годах прошлого века открывшим антибиотические свойства зеленой плесени, но и виднейшим общественным деятелем, редактором журнала «Врач», являвшегося в годы реакционного режима Александра III прогрессивным органом, формировавшим общественное мнение русских врачей в демократическом направлении. Вот каких

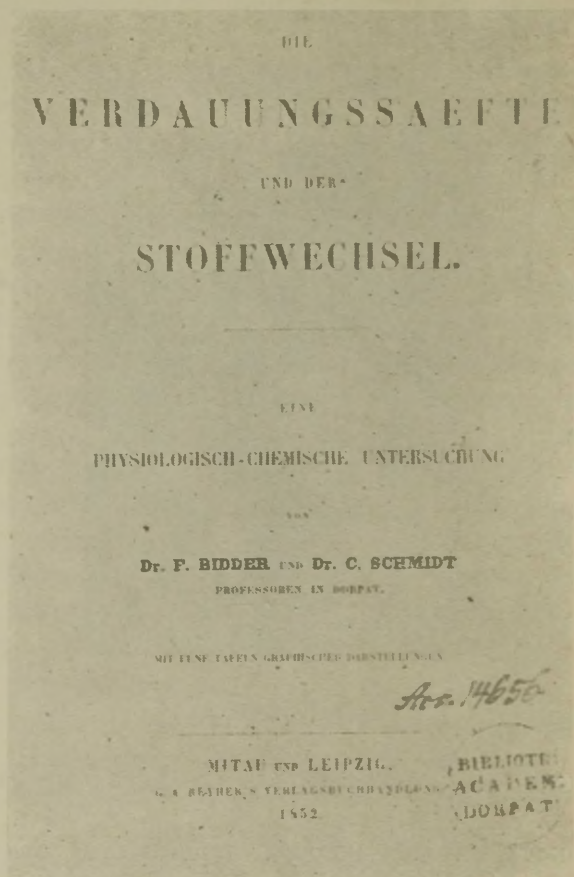
Фридрих Биддер.

ученых из числа своих воспитанников создавал Тартуский университет!

Кто же были научными воспитателями этих замечательных русских ученых в стенах Тартуского университета? В числе возглавивших науку в стенах самого университета должны быть прежде всего отмечены учителя Якубовича и Овсянникова — физиолог Ф. Биддер и химик Карл Шмидт. Биддер увековечил свое имя выдающимися исследованиями в области нервной системы, в особенности иннервации сердца. Опубликованный обоими учеными в 1852 году совместный труд*) «Пищеварительные

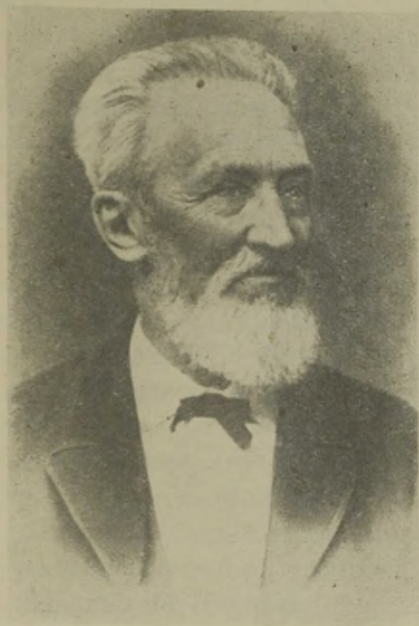
*) Подробнее об этом в работе: «70-летие основания учения о витаминах Н. И. Луниным в Тартуском университете». Таллин, 1951.

соки и обмен веществ» ознаменовал собою новую эпоху в области физиологии питания и обмена веществ. В нем они опередили таких германских ученых, как Фойт, Петтенкоффер и Рубнер. Имена этих выдающихся отечественных ученых незаслуженно игнорируются в этой области физиологической науки.

40 лет спустя И. П. Павлов дал высокую оценку наблюдениям Биддера и Шмидта, относящимся к нервной регуляции желудочной секреции: «В 1852 году Bidder и Schmidt заметили на собаках, что в известных случаях достаточно одного раздражения животного видом пищи, чтобы у него началось отделение желудочного сока». «Этот факт мог и должен лечь в основание нового исследования всего предмета. Он должен был, несомненно, доказывать действие на желудочные железы через нервы, так как это было действие на расстоянии, вне всякого

непосредственного соприкосновения пищевого вещества с поверхностью слизистой оболочки желудка». «Оставалось только сделать опыт постоянным и простым, т. е. легко воспроизводимым и исключаящим всякие побочные объяснения» (И. П. Павлов). Этот опыт был, как известно, осуществлен И. П. Павловым на собаке в форме знаменитой операции эзофаготомии. И. М. Сеченов дал высокую оценку Биддера как научного воспитателя. В

Карл Шмидт.

своих «Автобиографических записках», отмечая значение лаборатории немецкого физиолога Людвиг и перечисляя русских физиологов, работавших в ней, он пишет: «... не считая Ал. Шмидта (сделавшегося профессором физиологии в Дерпте), так как этот мог развиваться в физиолога дома у Биддера».

Для Биддеровской физиологической школы характерным было изучение микроскопического строения нервной системы и ее функций. Это и стало основным направлением в научной деятельности Н. М. Якубовича и Ф. В. Овсянникова.

Карл Шмидт в стенах Тартуского университета продолжал патриотические традиции русских ученых по исследованию при-

родных ресурсов России. В качестве члена-корреспондента Академии Наук, он проводил эту работу в контакте с выдающимися представителями русской науки. Характеристику этой стороны научной деятельности К. Шмидта мы находим в обращении физико-математического факультета в совет университета от 5. XII 1881 года: «8-го февраля 1882 года исполняется 35 лет с того времени, как профессор Карл Шмидт начал свою службу в здешнем университете». «Профессор Шмидт в течение последнего пятилетия издал по части геологической химии и гидрологии отличающиеся основательностью и точностью сочинения, для которых доставляли ему потребный материал ежегодные научные экспедиции Императорской Академии Наук, Императорского Географического общества, далее путешествия академика Миддендорфа в Ферганскую область, Пржевальского в Тибет и Кашкар, Дыбовского к Байкалу, Докучаева в черноземную полосу южной России.»

Таким образом, через К. Шмидта университет продолжал и в более поздние годы сохранять связь с деятельностью высших научных учреждений России. К. Шмидт был одним из активных сотрудников знаменитого основателя науки почвоведения В. В. Докучаева в ряде его работ, в том числе и в выдающемся труде «Русский чернозем».

Эта и другие работы В. В. Докучаева стоят в настоящее время в центре внимания советской научной общественности в связи с великими работами по преобразованию природы в нашей стране, проводимыми по плану И. В. Сталина. К сожалению, ни в одной из вышедших до сих пор работ, посвященных В. В. Докучаеву, нет даже упоминания о К. Шмидте. Между тем сам В. В. Докучаев во всех своих основных работах дает самую высокую оценку К. Шмидту и его участию в этих работах своими многочисленными химическими анализами различных образцов почв.

Так, в предисловии к фундаментальному труду «Материалы к оценке земель Нижегородской губернии» (1884 г.), давшему окончательную разработку новой научной дисциплины — современного почвоведения, В. В. Докучаев пишет: «... считаю долгом заявить также, что только деятельное участие известного нашего аналитика проф. К. Шмидта и магистранта В. М. Яковлева, а также горячая любовь к делу моих молодых помощников (кандидатов Петербургского университета — П. А. Земятчин-

ского, Н. И. Сибирцева, А. Р. Ферхмина, В. П. Анамицкого, Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, П. Ф. Боракова и Н. Н. Бурмачевского) помогли мне преодолеть те разнообразные трудности, с которыми по необходимости связано было такое сложное дело, как изучение и оценка земель площадью, которая равняется приблизительно 4 211 786 десятинам.

И в той же работе В. В. Докучаев пишет: «Добавим здесь, что к счастью для дела, задуманного Нижегородским землячеством, в нем принял участие известный аналитик, дерптский профессор К. Шмидт (так много сделавший для познания вод и почв России)...»

В классической работе В. В. Докучаева «Русский чернозем» (1883 г.) анализы К. Шмидта занимают целые страницы и расположены рядом с таблицами анализов Д. И. Менделеева.

По поводу этих анализов В. В. Докучаев пишет: «... доставлены мне в рукописи дерптским профессором К. Шмидтом. Приношу почтенному профессору искреннюю благодарность».

В. В. Докучаев подробно рассматривает на нескольких страницах гипотезу К. Шмидта о происхождении русского чернозема. Он подчеркивает серьезность некоторых из его выводов: «... в подтверждение этого крайне важного вывода проф. Шмидт приводит еще и следующие соображения».

В статье «К вопросу о русском черноземе» (1885 г.) В. В. Докучаев пишет в связи с известной его полемикой с проф. П. А. Костычевым: «как в «Русском черноземе», так и во многих других работах, я, согласно нашему известному аналитику проф. Шмидту, не раз доказывал, что перегной не только имеет связь с физическими свойствами, но он генетически соединен с важнейшими питательными веществами наших почв».

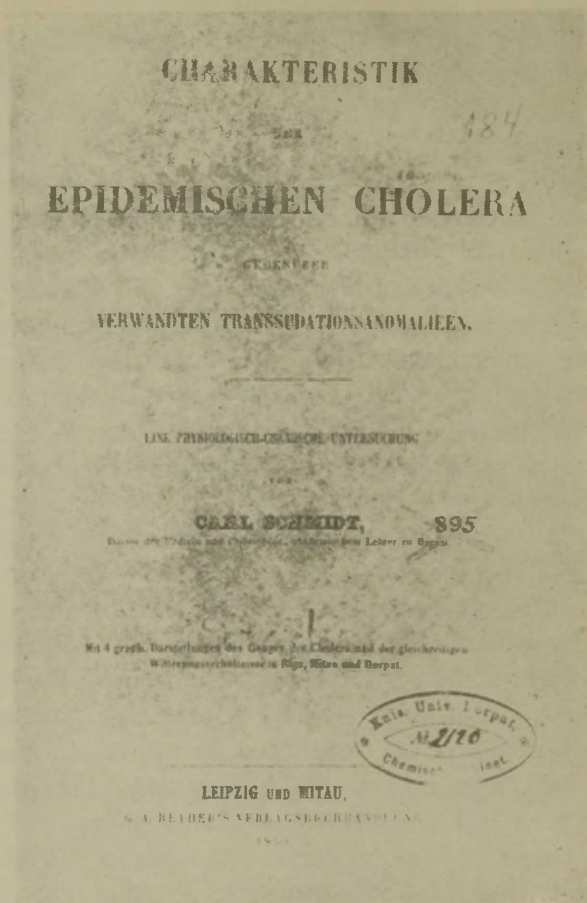
В популярном очерке «Русский чернозем» В. В. Докучаев свидетельствует: «Здесь в химическом характере рассматриваемых нами почв особенно интересна та теснейшая связь, какая существует между гумусом, с одной стороны, и важнейшими минеральными составными частями почв — с другой — связь, теперь окончательно установленная проф. К. Шмидтом.»

К. Шмидт обобщил свои исследования в статьях сборника «Физико-химические исследования почвы и подпочвы черноземной полосы Европейской России», вып. I (1879 г.) и II (1881), изданного в Петербурге Вольно-Экономическим Обществом.

В статье «Черноземные почвы Уфимской и Самарской губер-

ши» К. Шмидт пишет: «Образцы черноземных почв, собранные . . . г. Докучаевым и присланные мне второй серией для химического исследования, происходят из следующих местностей . . . »

Это сочинение также неоднократно цитирует В. В. Докучаев.

В своей ранней замечательной физиолого-химической работе «Характеристика эпидемической холеры» (1848), проведенной в период холерной эпидемии, охватившей в 1848 г. значительную часть территории России, К. Шмидт выполнил химические исследования крови у больных холерой, применив для этого метод, вошедший в физиолого-химическую науку того времени как новый этап в ее развитии. В это время Н. И. Пирогов, бывший уже тогда профессором Медико-Хирургической Академии, производил

огромную работу по патолого-анатомическому исследованию холеры.

В предисловии к своей работе К. Шмидт пишет: «Не приходится особенно упоминать всем тем, кто имел случай познакомиться лично с этим ученым, что мне доставили редкое удовольствие и стимул сообщения господина д-ра Пирогова, основанные на вскрытиях во время холеры в Петербурге и на Кавказе, и о патолого-анатомических отношениях при этом заболевании.»

Однако, наряду с подъемом научной деятельности университета, начиная с конца шестидесятых годов, в нем происходят заметные сдвиги в общественно-политическом отношении.

Буржуазия, начиная уже с 1848—1849 годов, когда на арену политической борьбы выступил рабочий класс, перед лицом нарастающего революционно-освободительного движения и крестьянских волнений, все более утрачивает остатки своей былой революционности и ищет сближения с правящими кругами и господствующим классом земельной аристократии. Этот процесс происходил и в Прибалтике и открыл остзейскому дворянству возможности осуществления давно лелеемой им мечты подчинения своему реакционному влиянию и обособления университета от воздействия русской революционно-демократической мысли.

Об этот союз буржуазии и дворянства разбились попытки, шедшие на этот раз не со стороны правительства, а со стороны русской общественности, к реформе университета и введению в нем русского языка, как могучего фактора сближения его и всей Прибалтики с остальной Россией. Александр II именно под влиянием немецко-остзейского придворного окружения отклонил эти попытки. Вновь в глазах правительственных кругов Тартуский университет становится наиболее благонадежным в политическом отношении по сравнению с другими русскими университетами, в которых в это время оппозиционные настроения студенчества начинают выливаться уже в политические демонстрации.

В связи с этим, у правительства возникает мысль о восстановлении при Тартуском университете Профессорского института с той же целью подготовки «благонадежных» профессоров для русских университетов. С такого рода предложением выступил в 1863 году на специальном собрании по рассмотрению нового проекта университетского устава министр А. В. Головин:

«Дерптский университет находится в исключительном положении; так как преподавание в нем происходит на немецком языке, то весьма легко сделать его одним из первых университетов в Европе, пригласив на несколько лет в Дерпт некоторое число знаменитейших европейских ученых».

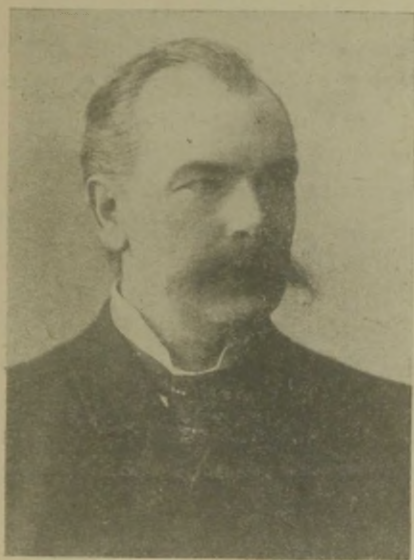
И это говорилось в 1863 году, когда вышли в свет знаменитые «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, или, правильнее, потому и говорилось, что они вышли, ибо в них И. М. Сеченов дал физиологическое обоснование философско-материалистическим взглядам своего друга Н. Г. Чернышевского, арестованного за год до этого. «Рефлексы головного мозга» были запрещены цензурой, но стали своего рода манифестом всей демократической части русского общества. Царский министр клеветал на русскую науку, представленную в то время уже именами Н. Н. Зинина, А. М. Бутлерова, Д. И. Менделеева и др*).

В страхе перед революцией царское правительство намерено было отдать высшее образование и науку в России на откуп иностранцам.

Достигнутое объединенными усилиями внутренних реакционных сил отчуждение Тартуского университета от других центров русской науки повлекло за собой задержку в его научном развитии. В стенах его получили развитие идеалистические антидарвинистские и неовиталистические направления. Так, известный ученый Шлейден, приглашенный в университет в 1863 году, вызвал бурю протестов, особенно со стороны богословского факультета, за свои публичные лекции «Шесть картин из истории человечества», собиравшие многочисленную аудиторию, и вынужден был через девять месяцев покинуть Тартуский университет. Профессор Руссов, вспоминая благотворное влияние на студентов лекций Шлейдена, писал: «Кто пережил это время, тот вспомнит мощное возбуждение, овладевшее умами в Дерпте, когда Шлейден начал свои лекции по антропологии. Весь Дерпт раскололся на два лагеря, и не только академические круги... нельзя умалить того влияния, которое он оказывал на умы своей острой и сильной полемикой...» «Положение Шлейдена стало неустойчивым, он это понял и через 9 месяцев покинул Дерпт».

*) Выдающийся русский химик В. В. Марковников в связи со своей научной командировкой за границу (1865-1870 гг.) писал: «Уже в первый год по приезде в Германию я убедился, что Казанская лаборатория в теоретическом отношении далеко опередила все лаборатории Германии».

«Благодаря ему в учащуюся молодежь вошла свежая струя». Так же была подавлена попытка чтения дарвинизма, сделанная доцентом Зейдлицем в 70-ых годах. Тартуский университет, по крайней мере в России, оказался последним, где дарвинизм нашел место в академическом преподавании. Ярким представителем неовитализма явился выдающийся биохимик XIX века, ученик К. Шмидта, Густав Бунге.

Н. И. Лунин.

Густав Бунге не смог, повидимому, в полной мере понять и оценить замечательную работу, выполненную под его руководством в 1880 году молодым русским врачом Н. И. Луниным, в которой последний фактически сделал открытие витаминов, как совершенно неизвестных еще тогда, но абсолютно необходимых для питания организма веществ.

Н. И. Лунин опередил, таким образом, на тридцать лет западных ученых, вновь повторивших только его открытие. Г. Бунге не обеспечил развития открытия Н. И. Лунина, хотя последний в деталях разработал методику исследования, которой пользуются и до сих пор во всем мире при биологическом испытании витаминов. Отчасти это было обусловлено и тем, что Бунге не имел самостоятельной кафедры. Физиологическая

химия в Тартуском университете, в отличие от других русских университетов, где эта дисциплина была представлена уже в то время самостоятельной кафедрой, являлась, по примеру германских университетов, только доцентурой при кафедре физиологии, а последняя была занята А. Шмидтом. Этим объясняется, что Г. Бунге был вынужден в 1885 году уехать в Швейцарию, в Базельский университет, не дождавшись запоздавшего утверждения профессором в Киевский университет, с которым у него были известные связи.

Неовиталистические взгляды Бунге родились на почве неудовлетворенности механицизмом в естествознании. Он подвергал критике взгляд о возможности полного познания сущности жизненных процессов методами химии и физики. Будучи фактически материалистом в своих опытных исследованиях, он не мог, однако, преодолеть метафизической односторонности механицизма и выбросил идеалистический лозунг: «Механизм настоящего мчит нас с уверенностью навстречу витализму будущего».

В этом сказался отрыв Тартуского университета в тот период от русской материалистической философии XIX века. Но и Бунге со своими настойчивыми философскими устремлениями и яркостью лекций, привлекавших огромное количество студентов всех факультетов, казался, повидимому, на фоне наступившей реакции беспокойной личностью. Научные руководители Тартуского университета в области естествознания в этот период оказались не на высоте. Угасала и выдающаяся вначале деятельность ученика Ф. Биддера, Александра Шмидта, открывшего в 60-ых годах ферментативную природу процесса свертывания крови. Об отсталости в научном отношении А. Шмидта в 80-ых годах яркую характеристику дает учившийся в это время на медицинском факультете писатель В. Вересаев. Осуществленная в конце 80-ых годов царским правительством реформа Тартуского университета на основе уваровской реакционной формулы «самодержавия, православия и народности», имевшая, однако, объективно своей единственной положительной стороной замену немецкого языка русским, хотя и открыла широкий доступ в университет русскому студенчеству и профессорам из других русских университетов, сама по себе не могла вызвать подъема научного состояния университета.

Этому препятствовала наступившая после 1831 года пра-

вительственная реакция, распространившаяся на всю Россию. Выражением реакции и усиления немецко-шовинистических элементов в университете в этот период является возмутительный акт надругательства над памятью гениального хирурга и выдающегося представителя русской культуры Н. И. Пирогова. Приводим выдержку по этому поводу из газеты «Ревельские Известия» за 1899 год, № 247: «Лет десять тому назад в клинической

Н. Н. Бурденко — студент Юрьевского университета (1901 г.)

аудитории Юрьевского университета висел поясной портрет Н. И. Пирогова, особенно художественно нарисованный, с прекрасно схваченными чертами врача-учителя. После смерти заведывавшего хирургической клиникой профессора Валя, потребовалось повесить в той же аудитории и его портрет. Администрация клиники, найдя, что портрет Н. И. Пирогова занимает слишком много места и не гармонирует по величине с остальными находящимися в аудитории портретами, распорядилась обрезать на портрете руки знаменитого хирурга и отнести, кроме того, его портрет в угол, где бы он не так был виден... И это все делалось 10 лет тому назад по отношению к памяти человека, так много потрудившегося для

ческие события в России, выражая свою солидарность со студентами других русских университетов. Об этом свидетельствуют приводимые здесь впервые в печати бюллетени «Союзного совета Дерптских объединенных землячеств и организаций».

Нами дается также текст фотокопий двух первых бюллетеней*).

*) «На основании распространенного С. Советом приглашения 3 мар. в Дерптском Университете состоялась сходка из 418 чел.

Предварительно были прочитаны бюллетень № 22 из Одессы за 24 число февраля и частное письмо из Москвы. Поставленный вопрос о протесте разрешен в утвердительном смысле 417 голосами против одного. Вопрос о форме протеста разрешили большинством голосов в смысле забастовки. При баллотировании этого вопроса присутствовали 390 чек.: из них 382 чека высказались за забастовку, 8 чек за словесную форму протеста. На сходке явившемуся по приглашению ректору предъявлена следующая формулировка требований: «Возмущающие душу насилия, вновь совершенные над нашими товарищами 19 фев. в Пет-ге и Харькове и применение «врем. правил 29 ин. 1899 г.» в Киеве и Пет-ге заставляют нас остановить течение нормальной Унив-кой жизни до тех пор, пока не будут удовлетворены следующие, продиктованные нам чувством негодования и оскорбления за поправное человеческое достоинство требования.

Мы требуем: I) Гласного судебного разбирательства действий полиции в целях неприкосновенности личности и опубликования в печати результатов судебного процесса; II) отмены «врем. правил 29 ин. 1899 г.»; III) возвращения в высшая учеб. заведения студ-ов, отданных в военную службу в силу врем. прав. и всех уволенных за студ-ские движения. Наконец, полагая, что прискорбныя явления в универ-ской жизни последних лет являются следствием ныне действующего устава 1884 г. и живо чувствуя создаваемую им тяжелую ненормальность унив-ской жизни, мы требуем; IV) коренных изменений устава 1884 г. и реорганизации унив-ской жизни на началах самоуправления с признанием корпоративности не только для профессуры, но и для студентов; V) допустить студентов У-та к обсуждению изменений устава и реорганизации строя унив-ской жизни; VI) допустить в Ун-тет всех лиц без различия национальностей, вероисповеданий, сословия, пола и сред. уч. заведения. Кроме того, было постановлено: 1) в случае несогласия со стороны товарищей отказаться от слушания лекций, применить обструкцию; 2) дело организации обструкции поручить Совету; 3) присутствовавшие на сходке не д. отказываться от помощи С. С. в деле об-ссии; 4) уполномочить С. С. свободно руководить движением; 5) предложить студ. Ветер. Инс. присоединиться к протесту; 6) познакомиться с положением движения нем. студ.; 7) предложить фармац. присоединиться к протесту. — В силу вышеизложенного С. Совет просит всех слушателей Ун-та прекратить хождение на лекции и прак. Зан. иначе придется прибегнуть к обструкции, сопровождаемой жертвами, вина за которые упадет на совесть студ-ов; этих особых «ревнителей» науки.»

«С. С. Дерптских объединенных землячеств и организаций»

Это были годы и события, о которых И. В. Сталин писал в 1901 году в своей работе «Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи»*): «Только рабочий класс и вообще народ, которому в борьбе нечего терять, кроме своих цепей, — только они представляют собой действительную революционную силу. И опыт России, хотя он еще и беден, подтверждает эту старую истину, которой учит нас история всех революционных движений.

Из представителей привилегированных сословий только часть студенчества показала свою решимость бороться до конца за свои требования. Но мы не должны забывать того, что и эта часть студенчества состоит из сыновей тех же угнетенных граждан, и притом студенчество как учащаяся молодежь, пока оно еще не окунулось в житейское море и не заняло там определенного поло-

«Из Киева сообщают: 11 марта в воскресенье в 1 час 45 минут дня произошла на Крещатике и на Думской площади «демонстрация» студентов Ун-та и Политехникума; принимали участие девицы и рабочие. Вызваны были войска и полиция. Усмирение было крайне жестокое и дикое; многих ранили прикладами в грудь и голову; одному политехнику разбили физиономию; одному студенту покрыли всю голову ранами. Студенты защищали девиц и себя при помощи палок и кулаков. Неистовства были прекращены приехавшим губернатором. Арестовано 10 человек. Стечение народа было громадное.

В Политехническом Институте, не смотря на угрозы директора Кирпичева исключить первые и вторые курсы с правом осенью держать обратно на 1-ый курс конкурсные экзамены, забастовка продолжается без обструкции. Носятся слухи, что приговорены к исключению 270 студентов. В Университете идут курсовые сходки.

Забастовали: физико-мат. фак., медики 1-го, 2-го, 3-го курсов, юристы 4-го и 3-го курсов и филологи. На остальных курсах всюду идут совещания и подсчет голосов. Вчера у юристов 3-го курса состоялась 2-ая сходка, на которой подтверждены были постановления первой «полная забастовка с отказом от экзаменов впредь до отмены временных правил».

В виду того, что одного киевского студента-солдата из 183, отказавшегося от присяги, расстреляли, готовится вторая демонстрация. Киев 14 III, 901 г.

Из Риги: Следствием почти единогласного решения сходки 7 марта было вывешено следующее объявление: «Глубоко сожалея о перерыве спокойного течения академической жизни, который несомненно отразится весьма неблагоприятно на успехах учебных занятий г. г. студентов, довожу до сведения, что г-н Попечитель Округа, присоединяясь к мнению Учебного Комитета, решил приостановить учебные занятия в Институте до Пасхи. Рига 13 III, 901.»

Дерпт 18 III, 901.

«С. С. Дерптских объединенных землячеств и организаций».

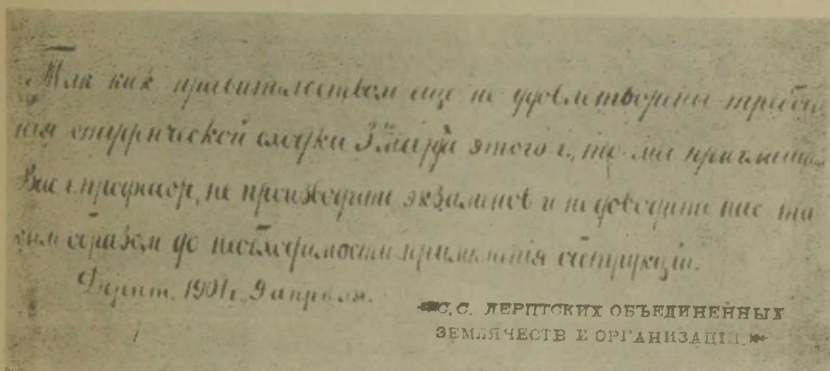
*) И. В. Сталин. Сочинения. Том 1. Москва, 1946 г.

дет борьбу против некоторых граждан с помощью своих многочисленных войск, полиции и жандармов.»

В Тартуском университете студенты также организовывали активные формы протеста и борьбы с царским правительством, о чем свидетельствуют приводимые здесь обращения к профессорам и студентам.

Обстановка и характер этих студенческих забастовок и обструкций нашли свое образное выражение в стихотворной форме, — творчестве, очевидно, одного из студентов университета.

Характерна также украинская революционная песня, свидетельствующая о солидарности в Тартуском университете между

студентами различных национальностей России. Имели место так же уличные политические демонстрации*).

Среди эстонской интеллигенции появляются пропагандисты передовых идей в естествознании. К числу их относится, например, доктор Р. Авакиви. Среди его работ особенно характерна статья «Учение Дарвина и его эстонские противники», направленная в защиту идей эволюционного развития.

Наступил новый период в истории университета. Освещение его представляет выдающийся самостоятельный интерес. С новой силой выступает плодотворное влияние русских научных центров.

На университетских кафедрах появляются представители известных русских научных школ: ученик И. М. Сеченова —

*) В 1902 г. было уволено из университета 233 студента без права обратного поступления.

профессор гигиены Г. В. Хлопин, ученик М. В. Ненцкого*) и А. Я. Данилевского — фармаколог Д. Лавров**); выдающийся представитель русской эволюционной биологической школы, воспитанник Московского университета, А. Н. Северцов; И. Л. Кондаков из Петербургской химической школы А. М. Бут-

Деревя 02. г.
(отрезки)
Полиция явилась
Да не застала нас
И лекцию полиция
Угнал наш ректор с нас
С полицией бороться
Нам было не с руки
У ней, вьгды, есть „следки“
У нас — лишь кулаки
Но хими нас Тамманн
Не отпусти угнал
И запасли в карман
Мы бром да хлорид

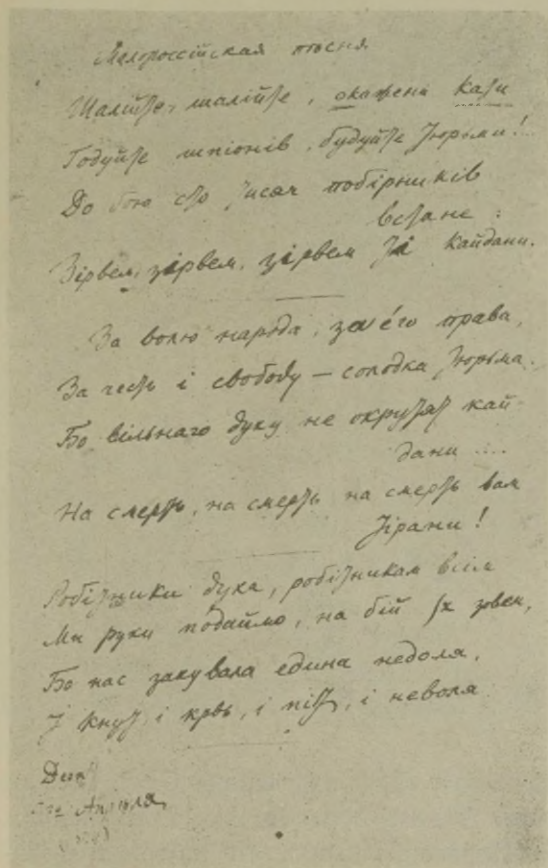
лерова, осуществивший в Тартуском университете первый синтез гомолога природного каучука, и др. Из представителей

*) Из Тартуского университета в 1872 году знаменитым русским биохимиком М. В. Ненцким и его другом О. Шульценом, бывшим тогда профессором университета, была напечатана в законченном виде их совместная выдающаяся работа «О предшествующих ступенях образования мочевины в животном организме».

**) Видный фармаколог, ставший после Октябрьской революции профессором в Одесском университете.

гуманитарных наук Е. В. Тарле своими блестящими лекциями по новой истории привлекал студентов со всех факультетов.

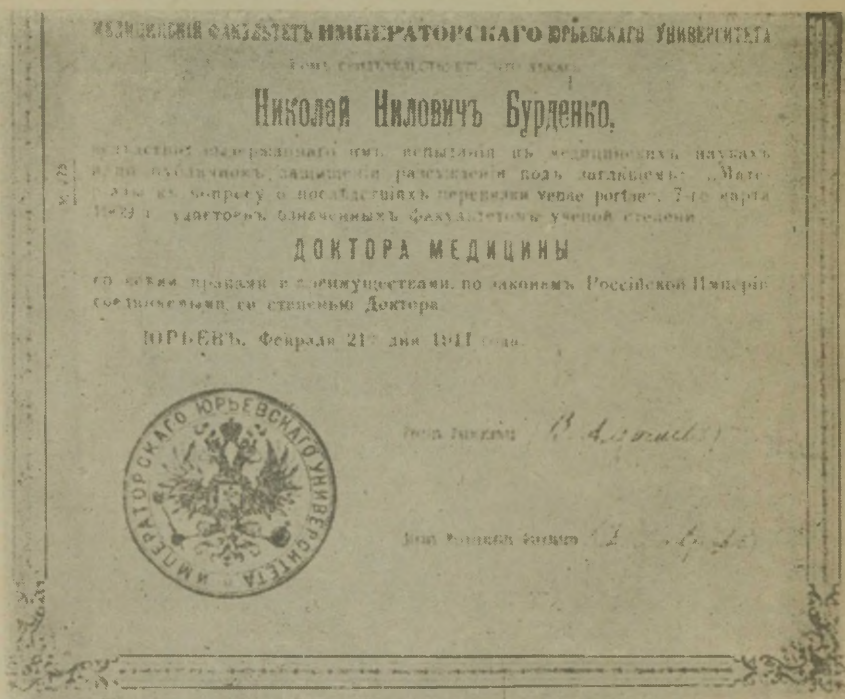
Идейным учеником И. П. Павлова явился выдающийся русский и советский хирург Н. Н. Бурденко, положивший, как и его гениальный предшественник по Тартускому университету Н. И. Пирогов, в основу хирургии экспериментальное, в основном физиологическое направление. Исходными для докторской диссер-

тации Н. Н. Бурденко «Материалы к вопросу о последствиях перевязки vena portae» (1909 г.) явились совместные классические исследования И. П. Павлова и М. В. Ненцкого с наложением соустья между верхней и нижней полой венами (Экковский свищ).

Об этой идейной связи свидетельствует сам Н. Н. Бурденко в введении к своей диссертации: «В 1892 году появилась работа

русских ученых Гана, Массена (ученики И. П. Павлова и М. В. Неницкого — Э. М.), Неницкого и Павлова, которая решила дальнейшую судьбу вопроса. В ней была осуществлена гениальная мысль доктора Экка (хирурга Петербургской Военно-Медицинской Академии — Э. М.) о наложении свища между стволами v. p. и v. c. inf. и был дан, таким образом, ключ к разрешению вопроса о роли печени в организме». В своей работе Н. Н. Бурденко цитирует далее целые абзацы из работы Павлова и Неницкого и

ссылается также на работу их ученика С. С. Салазкина и других русских ученых. Таким образом, Н. Н. Бурденко, как в свое время Н. И. Пирогов, в области научно-теоретических основ хирургии был совершенно самостоятелен в своих работах в Тартуском университете, опираясь на Павловскую физиологическую школу.

Что касается области практической хирургии, то и в этом отношении Бурденко стал в полном смысле идейным наследником гениального Пирогова.

Как известно, Пирогов явился смелым организатором отсут-

ствовавшей до него правильной организации военно-санитарного дела и блестящим представителем военно-полевой хирургии. Н. Н. Бурденко стал талантливым организатором военной медицины на посту главного хирурга Советской Армии. Нельзя не отметить, что его учитель в Тартуском университете, видный хирург дореволюционного периода, Цеге-Мантейфель, был также незаурядным военно-полевым хирургом, работавшим на театре военных действий в японскую войну, где получил свой первый опыт военного врача и впервые проявил высокое чувство патриотизма молодой еще студент Н. Н. Бурденко. Это является еще лишним подтверждением того, что влияние Пирогова на направление развития медицины в Тартуском университете продолжало оказывать свое действие. Оно и не могло быть иначе, ибо это влияние распространилось на всю Россию и за ее пределы. Но, кроме Цеге-Мантейфеля, Н. Н. Бурденко в стенах Тартуского университета имел и других учителей по хирургии, в том числе и ныне еще живущего в Тарту престарелого маститого хирурга профессора М. И. Ростовцева, отличавшегося также и широкой демократической общественной деятельностью в Тарту.

Этот именно период начавшегося установления наиболее тесных связей Тартуского университета с другими центрами передовой русской науки немецко-прибалтийская печать пыталась опорочить и изобразить как время будто бы научного упадка университета. С этой целью немецко-прибалтийское дворянство, пользуясь связями в царских правительственных кругах, прилагало, например, все усилия, чтобы ухудшить финансирование университета и помешать его должной организации и развитию и тем самым получить возможность противопоставить искусственно создаваемые трудности периоду высокого научного состояния университета в прошлом.

Прогрессивный ход научного развития Тартуского университета был прерван периодом так называемой буржуазной независимости Эстонии, когда проводилась политика изоляции университета от передовой советской науки. Это был период наибольшего упадка научной деятельности университета. В этот мрачный в истории эстонского народа период университет являлся проводником политики истинных хозяев буржуазных правителей Эстонии, англоамериканских и германо-фашистских аггессоров, направленной к превращению страны в их колонию и вооруженный плацдарм против Советского Союза, что угрожало

полным уничтожением национальной независимости эстонского народа. В этом была полная аналогия с периодом господства в Прибалтике остзейских дворян, старавшихся превратить университет в орудие искусственного подавления культурного развития эстонцев и их не только экономического, но и идейного порабощения.

Так опровергается реакционный миф о немецком якобы характере Тартуского университета в XIX веке, и вскрываются истинные исторические связи его с русской наукой, вместе с которой он переживал периоды научного подъема и реакционного влияния антинародного царского правительства.

Только после восстановления в Эстонии советской власти один из старейших университетов нашей великой социалистической Родины стал подлинным научным и культурным центром эстонского народа, создающего свою национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру.

В условиях Советской Социалистической Эстонии передовые принципы советской науки стали незыблемыми принципами научной деятельности Тартуского университета. Связь университета с научными учреждениями братских республик нашей великой Родины и, в первую очередь, с учреждениями Российской Федерации, изо дня в день растет и крепнет. Вместе со всей советской наукой Тартуский университет всю свою деятельность направляет на благо великого советского народа, на скорейшее построение коммунизма в нашей стране.

* *
*

В заключение приношу свой признательность за содействие в предоставлении документальных архивных материалов начальнику Центрального Исторического Архива ЭССР, М. С. Явкиной и сотруднику фундаментальной библиотеки ТГУ М. М. Сыщикову.

Литература.

1. В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм.
2. История СССР. Т. II, 1949 г.
3. Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII в. 1947 г.
4. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Ленинград, 1938 г.
5. Е. В. Петухов. Императорский Юрьевский университет. Т. I, 1902 г. Т. 2. 1906 г.
6. Г. В. Левицкий. Биографический словарь императорского Юрьевского университета. 1902 г.
7. В. В. Гнеденко. Очерки по истории математики в России. 1946 г.
8. Химия в изданиях Академии Наук СССР. Вып. I, 1728—1930 г. 1947 г.
9. А. Н. Радищев. Избранные сочинения. 1949 г.
10. А. Х. Баталин. Развитие аналитической химии в России в первой половине XIX века. «Природа», № 2, 1950 г.
11. П. П. Саксонов. К истории открытия алкалоида хинина. «Природа», № 10, 1950 г.
12. Медико-физический журнал. Москва, 1808 г.
13. А. И. Герцен. Письма об изучении природы. 1945 г.
14. Н. И. Пирогов. Записки старого врача. 1910 г.
15. К. М. Бэр. История развития животных. 1950 г. Послесловие Б. Е. Райкова.
16. К. М. Бэр. Автобиография. 1950 г.
17. Klemperer. Justus Liebig u. Medizin. 1900.
18. K. Burdach. Rückblick auf mein Leben. 1848.
19. А. Е. Арбузов. Краткий очерк развития органической химии в России. 1948 г.
20. F. Goebel. Briefe aus alter Zeit. 1895.
21. С. Я. Штрайх. Н. И. Пирогов. 1933 г.
22. Н. А. Герцен (Искандер). Былое и Думы. 1861 г.
23. Н. А. Белоголовый. Воспоминания.
24. В. А. Сологуб. Воспоминания. «Академия». 1930 г.
25. И. С. Тургенев. Отцы и дети. Послесловие Г. Бялого. 1949 г.
26. Veitgam. Baltische Skizzen.
27. X. С. Коштоянц. Очерки по истории физиологии в России. 1946 г.
28. Ф. Биддер и К. Шмидт. Die Verdauungssäfte u. Stoffwechsel. 1852.
29. И. П. Павлов. Лекции о работе главных пищеварительных желез.
30. И. М. Сеченов. Автобиографические записки. 1945 г.

31. И. и Л. Крупениковы. В. В. Докучаев. 1949 г.
32. В. В. Докучаев. Нижегородские работы 1882—1887 г. Т. IV. А. Н. СССР, 1950 г.
33. В. В. Докучаев. Русский чернозем, Т. III. А. Н. СССР, 1949 г.
34. В. В. Докучаев. К вопросу о русском черноземе, 1885 г. А. Н. СССР. Т. II. 1949 г.
35. В. В. Докучаев. Русский чернозем (популярный очерк). 1885 г. Т. II. А. Н. СССР, 1949 г.
36. К. Шмидт. Физико-химические исследования почвы и подпочвы черноземной полосы Европейской России. Издание Вольно-Экономического Общества. СПб, ч. I, 1879 г. ч. II, 1881 г.
37. C. Schmidt. Charakteristik der epidemischen Cholera. Mitau, 1850.
38. Н. Луни. Ueber die Bedeutung der anorganischen Salze für die Ernährung des Thieres. 1880.
39. Густав Бунге. Учебник физиологической и патологической химии. * Дерпт, 1889 г.
40. Richard Aavakivi. Darwini õpetus ja tema eestisugust vastased. Rahva Lõbuleht, 1900, Nr. 11, Tartu.
41. Н. Бурденко. Материалы к вопросу о последствиях перевязки vena portae. (Экспериментальное исследование). Диссертация. Юрьев, 1909 г.
42. В. Вересаев. Воспоминания.
43. Г. И. Арсенов. В. А. Манасеин. 1951.
44. Личные дела и другие материалы из фонда Тартуского университета в Центральном государственном историческом архиве ЭССР.

Vastutav toimetaja V. Vadi

Tehniline toimetaja H. Kohu

Ladumisele antud 13. III 1951. Trükkimisele antud 13. IX 1951. Trükiarv 1000. Paber 60x92, $\frac{1}{16}$. Trükipoognaid 5,25. Arvutuspoognaid 4,37. MB-12825. Trükikoda „Pioneer“, Tartu, Kastani 38. Tellimise nr. 463.

Hind rbl. 3,50.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
14	7 сверху	профессора	профессоры
14	10 "	профессора	профессоры
24	7 снизу	и,	, и
29	5 "	Г. ПАРРОТОМ	Г. Парротом
29	3 "	в последствии	впоследствии
50	8 "	и в особенности	и, в особенности,
57	9 "	1866	1864
63	9 сверху	принял	приняли
72	4 сверху	. . . терять, кроме	. . . терять кроме
72	9 сверху	привилегированных сословий	привилегированного сословия
73	5 сверху	В начале	Вначале
75	1 сверху	некоторых	непокорных
80	4 снизу	свой	свою
80	4 "	содействии	содействие
Литера- тура	№ 43	Г. И. Арсенов	Г. И. Арсеньев

Рy6. 3.50